

Ксения Мэо

ПОПАДАНКА НА СЛУЖБЕ ДРАКОНА-ПРОКУРОРА

Ксения Мэо

Попаданка на службе дракона-прокурора

<https://litres.ru/74258754>

Аннотация

Я погибла? Почти! После смерти я попала в тело молодой дворянки, чью семью казнили.

В этом мире, полном магии, я стала ассистенткой сурового дракона-прокурора. Его беременную жену убили, и в этом обвиняют семью той, в чьё тело я попала.

Но я недаром работала следователем! И настоящих преступников разоблачу, и с драконом общий язык найду. Ох, я даже предположить не могла, какие тайны мне предстоит вскрыть...

Но только почему сердце так сладко замирает, когда я рядом с драконом? И почему он всё чаще стремится оказаться со мной наедине?

Содержание

1	5
2	11
2.1. Визуализация	16
3	17
4	22
5	28
6	34
7	40
8	45
9	51
10	59
11	65
12	71
13	78
14	83
15	89
16	94
17	100
18	106
19	112
20	118
21	123
22	128

23	135
24	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Такого не должно случиться, но оно случается. Влад Королёв, подозреваемый в отравлении жены Регины Королёвой, проташил в здание комитета пистолет. Когда я заканчиваю читать ему постановление о задержании, Королев срывается.

Посмотрев на меня совершенно безумными глазами, Влад достает черный Макаров и направляет на меня. Молодой охранник Пчелкин у двери белеет и хватается за кобуру.

— И? — спокойно глядя в глаза слизняку Королёву спрашиваю я. — Выстрелишь — и живым точно не уйдешь.

У мужика начинают дрожать руки. Он явно не ожидал такой реакции. Да где ему меня напугать? Кто только меня, Оксану Попову, за годы службы на мушке ни держал! А я в следствии, на минуточку, с девяностых и, в общем-то, на пенсию не собираюсь.

Меня там никто не ждет. Ни дети, ни муж. Нет у меня личной жизни. Я замужем за работой. Хотя даже в свои под пятьдесят сохранила точеную фигуру и черную косу без единой седой волосинки.

Королёва начинает трясти, он вот-вот зарыдает. Я продолжаю сверлить его взглядом, как кобра. Еще немного — и он положит пистолет и сдастся.

У Пчелкина недавно родился сынишка, наверное, от недосыпа охранник не соображает. Или ему просто нейдет по-

геройствовать. Он делает какое-то неловкое и очень шумное движение. Влад соскакивает с крючка, резко разворачивается к Пчелкину с пистолетом.

Я перелетаю через стол с тигриной скоростью и хватаю Королёва за руку, в которой оружие. Начинается борьба. Я натренированнее и ловчее, но отчаяние и звериный ужас заставляют Влада драться с остервенением смертника.

Раздается выстрел. Грудь пронзает обжигающей болью. Тело немеет, перестает слушаться. Я оседаю на пол. Затем наступает темнота. Финальным аккордом в сознании звучит выстрел из пистолета охранника. Я ж предупреждала Влада...

Какое-то время онемение держится. Затем желтая вспышка — и я делаю судорожный вдох. Маленький, чахлый, словно котенок. Еще один. Еще. По рукам струится тепло. В груди постукивает сердце.

Открываю глаза. Я окружена темнотой. Но вскоре, привыкнув, понимаю, что лежу... в холщовом мешке типа как от картошки. Я что, в морге? Почему в мешке? Наверное, мою могучую фигуру просто не втиснули в холодильник, вот и выкручиваются как могут.

Я ощупываю себя и, честно говоря, впадаю в крайнее удивление. Под пальцами вместо крутых бедер и богатырских мускул — тонкая сухая кожа, через которую прощупываются кости. На месте твердого накачанного пресса — впадина с торчащими тазовыми костями...

Слышу размеренные шаги. Жизнь научила не привлекать внимания, поэтому я прекращаю шевелиться и затаиваюсь.

— А тут у нас мертвецкая, — поясняет трескучий старческий голос.

— Понятно, — подхватывает молодой тенор. — Сюда свозят трупы преступников, заключенных в Теневре.

— Верно, — соглашается первый. — Трупы случайно погибших, умерших от болезней и старости и казненных, как вот этих вот.

Ощущаю похлопывание по плечу.

Ну обалдеть! Я, следовательно с безупречной выслугой, и вдруг — в числе казненных преступников? Что тут происходит?!

— И что теперь с ними будут делать? — спрашивает молодой.

— Кремируем, — спокойно говорит старик.

— Прямо сейчас? — юный голос звенит от предвкушения.

А у меня все напрягается от озвученной перспективы.

— Через полчаса примерно, — осаживает старый. — Подожди, пока разгорится драконье пламя. Оно должно стать белым. Иначе процесс кремирования затянется.

— И что мы эти полчаса будем делать? — растерянно спрашивает молодой.

— Поминать! — хмыкает старый. — Хоть кто-то должен выпить за этих несчастных. Особенно за эту, за младшую Бишоп, — меня снова мягко похлопывают по плечу. — Ей ведь

сегодня только двадцать один исполнился. Жить бы и жить.

— А-а-а-а... — тянет молодой, — так это ее кормилица у ворот уже пару дней топчется? Требуется вернуть молодую госпожу...

— Да-а, — вздыхает старый. И я слышу, что он удаляется. — Вот только даже тела мы ей не можем отдать. А всё почему?

— Потому что государственные преступники...

Дальше я не слышу, оба покидают помещение.

Ну всё, Оксана, нечего разлеживаться! Надо выбираться, а то еще кремируют, как казненную преступницу.

Я быстро исследую чуткими тонкими пальцами мешок изнутри, нахожу дырку и начинаю ее растягивать и крутить. Вскоре я расковыриваю небольшую прореху, в которую за просто входят две ладони.

Я тяну края материи в разные стороны. Слышу треск. Ткань расходится, и прореха превращается в большую дырку, как в советских пододеяльниках. Я пролезаю в нее.

Оказываюсь на узком прозекторском столе. Рядом еще несколько мешков, в которых угадываются человеческие формы. Обвожу взглядом выложенное каменными блоками помещение.

Отсутствие окон и приземистые сводчатые потолки, как в старых зданиях в моем родном городе, намекают, что мы в подземелье.

Одна часть комнаты занята огромным стеллажом с глу-

бокими ячейками. Напоминает холодильники для трупов в моргах. По центру столы для тел.

Другая часть помещения отведена под огромное глубокое кострище, напоминающее бассейн в небольшой сауне.

И оттуда шпарит жаром и видны красные отблески. Осмотрев обстановку, я перевожу взгляд на себя. И хоть я уже постаралась морально подготовиться к некоторым изменениям, такого я точно не ожидала.

Во-первых, я в платье. Платье в последний раз я надевала для новогоднего фото... в детском саду. Во-вторых, в черном длинном платье, как у викторианских героинь. В-третьих, это не мое тело. Я тощая, руки бледные, сама я вся какая-то короткая. Щупаю лицо и волосы. Они тоже совсем незнакомые.

Зеркала тут нет, освещение тусклое. В мозгу воеет сирена, что надо выбираться и разбираться. Но как? Минут через двадцать придут служители мертвецкой и кинут меня в огонь.

Выбираться надо как можно незаметнее. А то еще догонят и казнят снова. В любом случае, вряд ли обрадуются при виде живого трупа.

В поисках выхода я панически верчу головой и замечаю то, что может пригодиться.

Дорогие читатели! Историю Регины Королёвой, муж которой отправил нашу героиню в новый мир, можно почи-

татья в моей книге “Особняк с привидениями для попаданки”

<https://litnet.com/shrt/a93x>

Ну естественно! Чем-то же драконьему пламени питаться надо. И сухой корм лежит у стены. Дрова.

Я поспешно рву нижнюю юбку на полосы. Нетренированные руки с трудом справляются. Быстро нахожу несколько бревен, обматываю и скрепляю их ошметками платья, формируя мумию буратино. Запихиваю конструкцию в мешок вместо себя.

Пока это проворачиваю, я уже мокрая насквозь от пота, в боку колет.

Рядом с прозекторским столом нахожу нитки и дратву и зашиваю свое недавнее пристанище. Если не щупать мешок, а просто взяться за его концы и швырнуть в пламя, то сложенное из чурбанчиков нечто вполне сойдет за тело.

Затем прыгаю головой вперед в свободную ячейку для трупов и замираю. У меня неплохой обзор прямо на огненный бассейн.

Как раз вовремя. Потому что возвращаются служители покойницкой. Теперь я могу их рассмотреть. Их двое, одеты в черные накидки с капюшонами, которые закрывают лица.

Старший проверяет жар рукой, одобрительно крикает.

— Пламя белое, — наставляет он ученика, — значит, можно начинать кремацию.

И они начинают кидать в пламя тела. Огонь вспыхивает,

словно живой. Странно, но ужасного запаха, который обычно сопровождает сожжение плоти, нет.

Тем временем меня начинает промораживать. Хотя ни льда, ни льдогенератора тут нет, но неведомая сила жжет холodem ступни, пальцы, нос и щеки. Забирается под платье по струйкам пота. Служители закинули в огонь еще не все тела, а я уже заоченела и вот-вот начну икать от холода.

Держусь из последних сил, чтобы не начать дрожать. Перед носом висает облачко пара. Да когда же они закончат?!

Парочка тем временем добирается до мешка с моим буратиной. Я задерживаю дыхание. Но на удивление, всё проходит гладко. Мой мешок с содержимым скармливают жадному пламени.

Кое-как дожидаюсь конца кремации.

— Ну что, неплохо потрудились, — говорит старший и потягивается. — Можно и помянуть бедолаг. Идем. Все остальные уже ждут.

— Помянуть?.. — радостно подхватывает молодой.

— И отметить твоё посвящение в служители Тенебры, — хлопает старший новичка по спине. — А то не по правилам оставаться трезвым в первый день службы!

— А мы успеем? Через час домой... — с тревогой замечает новичок.

— Да хоть через два. Главное, скажи на выходе: “Чешуя и коготь”. Сегодня такой пароль.

— Станный... — замечает новичок.

Я с ним полностью согласна.

— Просто администрация хочет выслужиться перед властями, — сплевывает в огонь старый слугитель, — вот все пароли и крутятся вокруг драконов. Ну всё, хватит болтать, а то без нас всё выпьют.

Они уходят. Я с трудом вылезаю. Не чувствую тела. Оно словно из камня или льда. Подползаю к яме с огнем и пару минут лежу отогреваюсь. Затем начинаю действовать.

Выхожу из мертвецкой и попадаю в длинный узкий коридор, погруженный в темноту, которую не разгоняют натыканные по стене через каждые метра два факелы. Они ничего толком не освещают, лишь чадят и бросают вниз черные тени.

Куда я попала? Везде открытый огонь, узкие проходы и ни единого плана эвакуации! Тут явно ничегошеньки не знают о технике безопасности. Или об электричестве...

Коридор пуст, с одного конца доносятся мужские голоса и взрывы смеха. Крадусь вдоль стены подальше от гулянки, но натыкаюсь на глухую стену. Тупик. Значит, мне всё-таки в противоположную сторону. Туда, где в самом разгаре веселье.

Я медленно пробираюсь обратно, стараясь не издать ни звука. Но оно и не важно — слугители шумят так, что если я проедусь тут на мотоблоке, они не услышат. Я почти добираюсь до покойницкой, откуда вышла, как в коридоре возникает шатающаяся фигура новичка.

— Я только по нужде схожу и вернусь, — заплетающимся языком бросает он. — И вы меня проводите, а то я, ик, на ногах не... Ик...

— Сопляк, — летит ему в спину. — Совсем молодежь пить не умеет.

А он быстро скользит в мертвецкую, растеряв по пути весь хмель. Движения быстрые и четкие. Оглядываясь воровато, ныряет в комнату с покойниками. Я заглядываю следом и вижу, как парень деловито шарит по ячейкам с телами, выдвигает одно, проходится по нему руками, довольно хмыкает и что-то прячет в карман.

Э-э-э... Да у нас мародер! И очень кстати он один, и очень кстати — ростом и комплекцией дрыщ. Ненавижу таких. Покойник, даже если это бывший преступник, не может постоять за себя. Так что воровство у него — удел слизней и червей, никак не представителей хомо сапиенс.

Пока мародер занят, я подкрадываюсь сзади, по пути прихватив с прозекторского стола тяжелый предмет с удобной ручкой. Для чего он на самом деле, я не знаю. Но уж я найду этой штуковине применение.

К сожалению, в темноте я задеваю какую-то железяку на полу. Она гремит. И новичок резко оборачивается.

Увидев меня, он белеет, приседает. Крик застревает в горле, губы дрожат. Глаза становятся размером с советский пятак. Смотрит с таким ужасом, будто увидел живой труп.

— Я... я верну, что взял... — блеет он, заслоняясь от меня

вытянутой рукой, второй шарит в кармане. — Ох праотцы драконы, простите меня!

Я решаю получить от ситуации максимум. Поэтому плотоядно улыбаюсь.

— О... Ты вернешь... — тянут тихо и с трудом удерживаюсь, чтобы не поморщиться: такой у меня нежный и мягкий голос. — И еще извинишься как следует.

Он отворачивается, протягивает мне старый ключ на простой цепочке.

— Из-звините, — булькает жалобно...

— По имени, со всем уважением... — шиплю я.

— Прошу простить меня, госпожа Аксана́ Бишоп, дочь рода Бишопов.

Забираю цепочку с подвеской из трясущейся руки и замахваюсь тяжелой штукой, которую держу в руке.

— Сладких снов, слизняк!

Но не успеваю обрушить удар на бедолагу, как он закатывает глаза и падает мне под ноги безвольным мешком лицом вниз. Я успеваю лишь отпрыгнуть. Замечаю, как по полу от мародера растекается лужа.

— Эй-эй! Не смей! — злобно цежу и задираю разошедшиеся полы балахона, чтобы они не намокли.

Ну что ж, еще немного — и я выберусь из этого душного подземелья.

2.1. Визуализация

Прежняя Оксана Попова

Аксана Бишоп

Испытываю сильное желание наказать мародера и затолкать его в одну из холодных ячеек. Но с трудом стянув с него балахон, понимаю, что мои силы на исходе. Я уже едва держусь на ногах.

Накидываю балахон, закрываю лицо. Оставляю мерзавца на полу и направляюсь к выходу. Оборачиваюсь и убеждаюсь, что отсюда его не видно. Иду на звуки вечеринки.

Влетаю, словно споткнувшись, в помещение, по центру которого простой деревянный стол с бедной закуской и бо-
чонком. Вокруг стола человек семь. Все уже изрядно навеселе.

— Ну как, новичок? — подмигивает и мне наставник. — Все получилось?

Взрыв хохота. Я отшатываюсь, держась за стену. Мычу на пониженных тонах. Это вызывает новый приступ всеобщего веселья.

— Пойдем, бедовый, выведу тебя отсюда, — наставник поднимается и нетвердой походкой направляется ко мне.

Пытается взять под локоть, но мне совсем не надо, чтобы он нащупал под балахоном что-нибудь лишнее. Поэтому я издаю бульк и сгибаюсь, будто меня тошнит.

Служители снова хохочут, наставник ругается и отскакивает.

— Ладно, — тянет с отвращением, — сам дойдешь. Я лишь прослежу, чтобы ты не забрел куда не надо.

Он гонит меня по темным коридорам, подталкивает в спину, приговаривая: “Направо, налево”. Даже на трезвую голову я быстро теряю ориентиры, такой тут лабиринт...

Вскоре он выводит меня к деревянной двери, у которой скучают два стражника.

— Пароль! — ревут они

Я хриплю, будто у меня гнойная ангина:

— Чешуя... и... коготь...

— Да ты едва на ногах стоишь, пьянь, — с отвращением цедит страж, отходя в сторону и открывая дверь в дождливую ночь.

— Мальчик первый день на службе... Каждый переносит боевое крещение по-своему, верно, Дэн? — с увещеванием голосе говорит наставник и, похлопав меня по спине, награждает смачным пинком напоследок.

Я послушно выкатываюсь из тюрьмы прямо в мокрую грязь. Мужики они везде мужики. Чувство юмора как в детском саду. Что в средневековой тюрьме, что в совете директоров крупного завода.

Я жду, когда закроется дверь. Услышав стук, поднимаюсь и осматриваюсь. Я в десятке метров от... кажется, это называется барбакан — каменное усиление стен у ворот. В любом случае мой путь на широкую дорогу лежит мимо них.

Я быстро иду на нее. Но засматриваюсь на высокие камен-

ные стены исполинской тюрьмы и натыкаюсь на женщину. Она роняет корзинку. Седые волосы промокли, ее старая накидка совсем не защищает от дождя. В водянистых глазах решительный блеск.

Пытаюсь извиниться, но она хватает меня за плечо, дергает к себе.

— Молодой человек, вы не видели?..

От ее резких движений с меня слетает капюшон. Женщина ахает и отпускает меня, закрывает рот руками. Я судорожно накидываю капюшон обратно и готовлюсь дать дёру. Но собеседница вдруг опускает руки и воодушевленно шепчет:

— Госпожа Аксана! Вы всё же выбрались! Но... Делаем вид, что мы не знакомы. Следуйте за мной, держитесь на расстоянии, чтобы никто не понял, что мы знакомы.

А это, вероятно, та самая кормилица... Я на миг замираю, не понимая насколько честно будет злоупотреблять ее доверием и любовью к Аксене. Но все же иду следом, когда она оказывается шагах в десяти от меня. В конце концов, эта женщина — мой шанс разобраться, что произошло.

Под ногами хлупает грязь, мы шлёпаем прочь от страшной Тенебры. Холодный дождь быстро мочит насквозь мою накидку. Местность пустынная, ни деревья, ни строений кругом. Когда мы удаляется достаточно далеко, женщина ставит корзинку посреди дороги и идёт дальше.

Я подхожу к корзинке и обнаруживаю в ней большой шерстяной плащ. Скидываю накидку и заталкиваю ее в корзину,

оборачиваюсь в простой плащ и продолжаю путь. Корзину несу в руках. Не стоит, наверное, оставлять одеяние служителя Тенебры на дороге.

Наконец мы собираемся до поселения. Приземистые дома и низкие заборы, тусклые фонари вдоль выложенных брёвнами тротуаров. Я словно на съемки фильма о средневековом городке попала.

Послушно следую за старушкой, пока она не скрывается в одном из двориков, обнесенных каменным забором. Я ныряю следом и оказываюсь в ее крепких объятиях.

— Жива... Жива... — со слезами в голосе повторяет она.

Точь-в-точь моя мама после того, как я участвовала в задержании криминального авторитета, который кошмарил наш родной город. Я обнимаю незнакомую женщину с благодарностью и теплом, которое не тратила ни на кого со дня смерти мамы.

Та отпускает меня наконец, берет мое лицо в ладони, вглядывается в тусклом свете далёкого фонаря.

— Акса... Что они с тобой сделали? На себя не похожа. Взгляд чужой, как у древней старухи... Ну идём ко мне.

Она заводит меня в дом и начинает хлопотать.

— Я поехала за вашей семьёй в эту глушь, сняла домик... Верила, что смогу вытащить тебя. Ты же ещё совсем юная ни в чем не виновата... И по закону нельзя было тебя задерживать... Но из-за этого Прозекуре... Мало он бед принес нашей семье, вот снова объявился... Бессердечный дракон!

Я ощущаю себя, словно турист в Казахстане, читающий вывески. Вроде буквы знакомые, а ничего непонятно. Моя спасительница говорит известные мне слова: дракон, закон... Но как-то они не складываются в единую картинку.

— Бедная моя, Акса... — причитает тем временем женщина, раздевает меня, укутывает в мягкий плед, усаживает на скрипучий стул и расчесывает волосы. — Совсем потерянная. Раньше, как птичка, щебетала. Сейчас молчишь, словно не узнаешь, словно я тебе чужая... Будто забыла старую Якубу в страшной тюрьме...

Я просто кладу ладонь ей на руку и шепчу:

— Спасибо, Якуба.

Лицо Якубы разглаживается, глаза сияют. Она кормит меня печёной картошкой и поит теплым молоком. Укладывает, как маленькую, спать. Даже одеяло подтыкает. Тихо спрашивает:

— Госпожа Акса, ну а это... с вами? Удалось спасти... реликвию?

И смотрю в ее белесые глаза и не понимаю, о чем она.

Якуба Стаут, кормилица Аксаны́

И тут вспоминаю про ключ на цепочке, который я впопыхах спрятала в карман.

— Посмотри в платье... — бросаю я из последних сил и проваливаюсь в сон.

Это долгий темный сон без сновидений. Но он наполняет меня энергией. Когда утром меня будит солнечный луч, проникший через дырку в занавеске и гуляющий по моим щекам, я просыпаюсь здоровой и полной сил.

В доме одна комната, и Якубы в ней нет. Я сажусь на кровати и свешиваю ноги. Сегодня надо понять, что происходит и кто я. Я уже смирилась с мыслью, что прежней жизни не будет.

Там, в моем прошлом одиноком существовании, был один неоспоримый плюс, которого нет тут, — предсказуемость. Я знала правила игры и игроков. А тут для меня всё вновинку. И самое новое и непонятное — магия. Иначе, как ею, я не могу объяснить работу холодных полок в морге и свое внезапное переселение в это слабое тело.

Скрип двери.

— Вы уже поднялись? — воркует Якуба, которая несет в руках какой-то сверток. — Лежите-лежите, я пока уберу и завтрак приготовлю. Или вот, платье новое примерьте. Ваше старое носить уже нельзя, поистрепалось всё.

Вместо того чтобы разлеживаться, я подскакиваю и делаю махи руками, приседаю. Делаю короткую утреннюю гимнастику и заодно привыкаю к новому телу.

— Прародители-драконы! — всплескивает руками Якуба, на ее морщинистом лице расцветает улыбка. — Неужто решила все же укрепить здоровье? И правильно! А то ходила бледная, как моль, от сквозняка качалась, не ела ничего...

— Да, Якуба, — киваю сокрушенно. — После заключения нужно восстановиться.

Укрепить это тело действительно не помешает. И лучший способ для этого — физическая работа. Ею я и занимаюсь: убираю в домишке, подметаю. Якуба поначалу протестует, бегаёт за мной, молитвенно сложив ладони.

— Негоже барышне ручки белые марать! — едва не плачет старушка.

— Якуба, какая я теперь барышня? — бодро отшучиваюсь. — Посмотри на меня!

— И то правда, — качает головой старая кормилица. — В Тенебре с вас вся косметическая магия сбежала... Вон, кожа розоветь начала, веснушки высыпали. А как они вам идут все-таки! Волосы тоже почти к родному виду вернулись... Медные... Волнами... А то ввели моду на черно-белых девок, и вы туда же...

После уборки я принимаюсь за приготовление завтрака. Тут как у моей бабушки в деревне. Большая печь с нишей и плитой для чугунков и сковородок.

Я беру нож. Якуба бледнеет.

— Госпожа, что вы собрались делать? — изумленно спрашивает она.

Пожимаю плечами:

— Картошки почищу, сварим. Можно потолочь потом.

— Ироды! — злобно ворчит старушка. — Что они с вами в Тенебре делали? Заставляли готовить, поди? Это благородную-то барышню! Да еще для пьяных стражников.

Я прячу улыбку и ловко орудую ножом.

— Якуба... Я столько времени провела в этой тюрьме, что, кажется, всё забыла. Даже кто я. Только и делала, что чистила картошку... Лишь тебя помню. А всё остальное из головы выветрилось. Наверное, вместе с краской слезло.

— Ох, госпожа-госпожа... — горестно бормочет кормилица. — Оно и видно. Совсем вы на себя не похожи. Сидите не так, говорите не так... Не как Бишопы.

— А как сидят и говорят Бишопы?

— Уже никак... — выдыхает Якуба. — вы последняя остались. Извел черный дракон Прозекуре весь ваш род... Мало ему было вашей тёти Офелии.

— А что с ней?

— Бросил он ее. За неделю до свадьбы. Предпочел родовой девице простолюдинку. Офелия затосковала, истончилась вся, не ела, ни пила... Так и ушла вскоре. Да только и змею проклятущему счастья не стало, — в голосе Якубы горечь и печаль.

— А что случилось? — спрашиваю как ни в чем не бывало.

— Э, госпожа... — тянет кормилица. — Совсем вас там замучали, если вы о таком забыли... С этого же и пошли все ваши беды. Прозекуре этот, значит, женился на своей простой, она забеременела, да только в карете тогда и погибла.

Якуба совсем не рассказчик. В какой карете? Когда погибла? И кто такой этот Прозекуре? Но ничего. Я и не таких на показания раскручивала.

— М-м-м... А... Поняла... В той карете, которая... — тяну последнее слово.

— В той самой, — кивает старушка, — которая взорвалась...

По коже проносится ледяная волна. Звучит ужасно...

— А взорвалась карета... — подталкиваю рассказ Якубы в нужное русло.

— Да кто ж знает, отчего? Да вот свидетели говорят, что видели перед взрывом рядом с каретой вашего дядюшку, отца Офелии. Как сейчас вспоминаю и от страха вся сжимаюсь. Ночью в ваш особняк фамильный завалились стражники, всех вас вывели, погрузили в повозки и увезли... Два месяца о вас ни слуху ни духу. А потом приходят в дом и говорят, мол, все вы виноваты и казнят вас, а дом и шахту отдадут государству.

— Шахту? — вырывается невольно.

— Да. Ту, где камни красные добывают. Ключ от которой

у вас на цепочке болтается. Батюшка ваш сразу вам повесил, говорил, что вы несовершеннолетняя, да еще девица. По закону не должны вас наказывать. Только ошибся он... Проклятому Прозекуре законы не писаны.

Как раз в этот момент картошка заканчивается. Я меняю воду в чугунке и ставлю его в печь. Молча кручу в голове полученную информацию.

Выходит, мою семью обвинили в убийстве жены высокопоставленного дракона. Интересно, это образное выражение, титул, воображаемый тотемный предок или?.. Что-то подозрительно часто в речи местных упоминаются драконы....

Итак, в наказание, всю мою семью, включая несовершеннолетнюю меня, казнили — вопреки закону. Всё имущество конфисковали и обратили в доход государства... Любопытные вводные.

А главное, есть тут какая-то тайна... Что-то не вяжется. Но как ни быюсь, не могу понять, что меня беспокоит. Кроме того, что я оказалась в мире, где помимо магии есть еще и драконы.

Может быть, со временем, когда я больше узнаю об этих землях, о магии и местных законах, я смогу понять, что не так... Остается надеяться на это.

В домике мы обитаем еще несколько дней. Я не высываюсь на улицу. На всякий случай. Жду, когда с моей головы окончательно слезет черный цвет и когда улягутся сплетни о казни моей семьи.

Но вот, когда проходит неделя, Якуба возвращается поздно вечером. Вид у старушки таинственный. Она что-то прячет под накидкой и заговорщически улыбается.

— Смотрите, что у вас теперь есть! — говорит Якуба, подходя вплотную и вытаскивая из-за пазухи небольшой перехваченный металлическим кольцом свиток.

Она бережно передает его мне. По привычке сначала изучаю его внешний вид. Мысленно пишу протокол осмотра:

“Бумага плотная, качественная, белая. На свинцовом кольце оттиск сложного витиеватого узора, который частично переходит на свиток и полностью совпадает с ним. Кажется, это способ подтверждения подлинности”.

Стало быть, передо мной документ. Интересно, я знаю местную грамоту?

Осторожно снимаю кольцо и разворачиваю свиток. Буквы первые мгновения кажутся незнакомыми, вычурными, но вскоре они складываются в текст, который я быстро пробегаю глазами.

“Сие удостоверение выдано Ханне Стаут и подтверждает, что она родилась 11 мая в 1467 год от основания Дракона-риса в селе Хетчехо провинции Хауптдрах в семье старосты Марко Стаута”.

Сейчас конец мая.

— Это... паспорт? — смотрю на Якубу, которая почти светится от счастья.

Осторожно скручиваю свиток и надеваю на него кольцо.

— Да, госпожа. Теперь вы можете начинать жизнь с чистого листа под новым именем. Спрятаться. Уехать. Выйти замуж. Главное, что по документам вы уже совершеннолетняя. И больше ни от кого не зависите и сами решаете свою судьбу.

— Якуба, это... ценнейшая помощь с твоей стороны. Как ты его получила?

Меня гложет тревога, что документ поддельный или краденый. А с моей нулевой ориентацией в этом мире вовсе не хочется попасться на таком преступлении.

— Всё просто! — взмахивает рукой кормилица, чем еще сильнее раздувает пламя тревоги. — Это паспорт племянницы, которая немного успела поработать у вас в поместье. Она родилась в один день с вами. Паспорт хранился у вашего батюшки в кабинете. Прислуга просила вашего папеньку иногда помочь спрятать или подержать у себя важные бумажки. А после его ареста документ вернули мне, чтобы я передала племяннице. Вот только она еще три года назад вылетела замуж за сельского доктора и уехала с ним в Драконарис. Так быстро, что о паспорте даже не подумала, и он остался в кабинете. Теперь, когда она замужем, он ей всё равно не нужен.

Я уже сделала вывод из отрывочных рассказов Якубы, что Драконарис — это очень и очень далеко. Столица империи драконов Эльдратории, вроде как, находится на другом континенте. И даже драконы не отваживаются своими силами преодолевать морские расстояния между колонией Хауптд-

рах и столицей.

— Я не сразу вспомнила о бумажке, — виновато говорит Якуба. — Только пять дней назад на рынке, когда солдаты проверяли документы у всех. Кажется, снова искали метаморфеля...

Вечерами Якуба по старой памяти рассказывает мне сказки, как маленькой. Благодаря ее рассказам я знаю, что метаморфели — страшные враги драконов, которые умеют принимать любой облик. И да, кажется, пора признать: в этом мире действительно водятся драконы.

Более того, они тут правят! Император — дракон, его наместники — драконы, министры и высшие чины — тоже драконы.

— Так вот... — продолжает кормилица, — Я направила послание в родную деревню вдове моего брата и попросила прислать паспорт. Она еще тогда, когда вашу семью сражники уводили, обмолвилась, что если понадобится, готова принять вас вместо дочери и даже паспорт ее согласна отдать. Так что вдова брата, получив письмо, не отказала и прислала бумагу.

— Спасибо! — мне теперь намного спокойнее, когда я знаю, что документ подлинный и что он не нужен истинной владелице.

Я отлично понимаю, что пользоваться этим паспортом не хорошо ни с какой стороны. Но ведь и казнить человека, которого по закону казнить нельзя, — тоже так себе поступок.

Так что будем считать это вынужденной мерой.

Свиток жжет руки, и я убираю его в карман. Решено — я очищу имя семейству Бишоп! И тогда мне не понадобится чужой паспорт.

Эта решимость пускает корни в душу и на следующий день я четко осознаю, что вот она — моя цель в этом мире: восстановить доброе имя и честь семьи Бишоп.

Вскоре подходит к концу срок аренды домика, и нам пора его покидать. К этому времени я окончательно восстанавливаю силы, немного набираю вес, у меня появляются щеки, кожа розовеет, выглядит здоровой. Волосы, судя по тому, что я могу рассмотреть без зеркала, полностью очистились от черного цвета.

Теперь у меня через плечо свешивается медная коса. Якуба больше не боится доверить мне что-либо тяжелее кастрюли и сложнее мытья посуды.

На рассвете мы стоим на краю деревни. Отсюда ведет несколько дорог. По одной Якуба вернется в Хетчехо, по другой я планирую попасть в Хауптдрах.

— Госпожа, — с тревогой выдыхает верная кормилица, — может, все-таки со мной? Кто знает, что вас ждет в Хауптдрахе... Да и справитесь ли вы одна?

— Дорогая Якуба, — мягко отвечаю я, — прежняя я не справилась бы даже с чисткой картошки, а вот Ханне Стаут всё по плечу.

Мы обнимаемся. Кормилица долго не выпускает меня из

объятий и напоследок берет с меня обещание в случае чего связаться с ней. Но я понимаю, что и так в неоплатном долгу перед этой женщиной, поэтому не собираюсь ее беспокоить. А когда встану на ноги, компенсирую все траты на мое спасение.

Мы расходимся. Я еще долго оглядываюсь. До тех пор, пока окончательно не теряю из виду сгорбленную фигуру старушки. С полчаса дорога ведет меня по зеленеющей степи. Потом всё чаще встречаются кучерявые кусты, затем невысокие редкие деревья...

Я выхожу на широкий тракт, вдоль которого растительность уже более буйная, и бодро иду по обочине. Обгоняю одиноких странников, обхожу группы путешественников, меня с грохотом обгоняют кареты. Мимо проносятся всадники, поднимая клубы пыли.

Иду весь день налегке, вещей у меня, кроме надетой на меня одежды, кулона и свитка, нет. Когда подкрадываются сумерки, дорога пустеет. Путники стараются остановиться в тавернах или постоялых дворах. Встречи всё реже.

Я тоже не испытываю огромного желания идти по темноте, но у меня ни гроша. Да и до города осталось не так далеко. Его очертания уже виднеются на горизонте. Поэтому накидываю капюшон, чтобы скрыть косу, и прибавляю шаг.

Но когда прохожу мимо особо развесистого куста душистой сирени, меня вдруг грубо хватают за плечо крепкие мужские руки и тянут в заросли...

Ну конечно! Наступает ночь, просыпается мафия! Вернее, старые добрые разбойники.

Я проваливаюсь в куст, меня волокут сквозь ветки. Они царапают меня, цепляются за волосы и одежду. Все мои силы сейчас направлены на то, чтобы устоять на ногах.

И вот я в самом сердце сиреневых зарослей. На поляне в окружении кустов. Одна против трёх мужланов, которых можно смело назвать доказательством теории Ломброзо, — такие у них специфические морд... лица. Гориллы на выпасе. Глазки влажно блестят, разве что слюна не капает.

— Зырьте, каку лялечку нашел... — гнусавит один.

— Я первый! — заявляет другой.

Будь я в прежнем теле, эти трое уже валялись бы с отбитыми бубенцами. Но Аксана Бишоп — не Оксана Попова. Поэтому пойдем иным путем.

— Папа! — ни с того ни с сего во все горло ору я.

Это на пару мгновений обескураживает неандертальцев. Во-первых, я рву шаблоны. Зову не маму. Папа — это уже серьезно, он может и ударить.

Во-вторых, когда ночью в кустах кто-то детским фальцетом зовет отца, это может сподвигнуть какого-нибудь путника проявить смелость.

В-третьих, у мужчин слух не такой тонкий, как у женщин.

Они не всегда отличат по голосу своего ребенка от чужого. Могут решить, что опасность грозит их чаду, и вмешаться.

Несколько мгновений бандиты ошарашенно озираются. Я не трачу время, поворачиваюсь и ныряю обратно в заросли. Но противная длинная юбка во время разворота наматывается на сучок и удерживает меня.

Один из нападающих все же приходит в себя, звереет и успевает схватить меня за плечо. Я издаю дикий визг. Разворачиваюсь и вцепляюсь мордовороту в щеку ногтями.

— Да заткнись ты! — ревет он, дергает меня на себя.

Я вылетаю, и он зажимает мне рот толстой грязной ладонью. В которую я вонзаю зубы.

Громила взывает, пытается вырвать руку, но я держу крепко и продолжаю сжимать челюсти. Вкус, конечно, отвратный. Но я знаю одно: больше всего насильник не ожидает сопротивления жертвы. А я не для того дважды вырвалась из лап смерти, чтобы сдаться придорожным бандитам!

— Отцепите эту стерву! — орет бандит друзьям.

Те откровенно хохочут над неудачей ближнего своего, но все же подчиняются.

Один выродок заходит сзади и обхватывает меня лапами, прижимая мои руки к телу. Тянет назад. Я не разжимаю челюсти. Выглядим мы, наверное, как хозяин, который тянет чихуахуа, у которой заклинило челюсть, когда она вцепилась зубами в мимо проходящего алкаша.

Краем глаза вижу, как третий упырь замахивается и вот-

вот направит кулак мне в лицо. Поэтому неожиданно отпускаю бандита. Тот отпрыгивает.

Второй вместе со мной отшатывается назад, третий с выставленным а-ля Супермен кулаком пролетает мимо. Первый сжимает окровавленную ладонь здоровой рукой и баюкает ее.

Второй остается на ногах, не отпускает меня, держит мои руки прижатыми к корпусу. Третий приближается, и улыбка у него нехорошая.

Руки у меня заняты, но ведь есть еще ноги. И ими я молочу в воздухе перед собой. Бью с толком. И не забываю кричать! Вот она — женская многофункциональность в действии!

Вся эта суетливая и шумная возня длится пару минут, пока второй не соображает, как меня обезвредить. Он валит меня животом на землю, а руки скручивает за спиной. Коленом придавливает к земле в районе поясницы.

В это время очухивается покусанный. Он подскакивает и вдавливает мое лицо в грязь. Крик превращается в мычание.

— Какая-то бешеная лялечка... — выдыхает третий.

Я мычу, извиваюсь, хотя понимаю, что проиграла.

— Ну что, я первый, — рычит покусанный. — И поверь мне, лялечка, сейчас ты пожалеешь, что укусила меня.

Его дружки снова грязно хохочут. Кажется, им все равно, над кем или над чем ржать.

И вдруг слышу треск кустов и спокойный мужской голос,

от которого по коже разбегаются ледяные мурашки:

— Оставьте девушку в покое...

— А это, что, папочка пожаловал? — хохочут бандиты.

А перестаю биться и затаиваюсь, потому что обладатель голоса нагоняет на меня необъяснимую жуть. И на месте бандитов я бы его послушалась. Так говорят очень-очень-очень опасные люди. Таких даже я боюсь.

— Иди-ка отсюда, папочка, а то и тебе достанется! — с угрозой цедит покусанный.

— Согласно закону о безопасности на дорогах, пункту семь, подпункту 84, — зачитывает невидимый спаситель ледяным тоном, — застигнутые на месте преступления при попытке совершения насильственных действий... — он без запинки перечисляет отягчающие, так привычно и спокойно, словно в зале суда, и завершает тираду спокойным до жути голосом: — Приговор может быть приведен в исполнение немедленно.

В этот момент слышу три коротких гудящих звука, затем вскрики, чавканье, стук чего-то крупного о землю и... Ощущаю, что меня больше никто не держит.

Я подрываюсь и в одно движение становлюсь на ноги. Разворачиваюсь и вижу рядом с собой рассеченные единичными точными ударами тела бандитов. Невольно закрываю рукой рот и перевожу взгляд на темную фигуру напротив.

Некто огромный, в сумерках словно высеченный из черного гранита, согнулся и вытирает меч об одежду одного из

бандитов. Затем он выпрямляется и оказывается высоченным широкоплечим мужчиной в дорожной одежде. Спрятав меч в ножны на боку, он поднимает на меня лицо и смотрит.

Сглатываю. Вот, кажется, я и встретилась с хозяевами этого мира.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в еще одну свою историю

“Переводчица лорда-дракона”

Только для читателей 18+

— Кого я вижу? Леди, которая со всем справится сама...

— рокошет мэр.

Это же тот незнакомец, который спас меня и с которым я была не слишком учтивая... Бездна... И это он — мой начальник?

Он опалает меня горячим взглядом, а затем рассматривает мои запястья. На которых теперь нет брачных браслетов. И в его глазах вспыхивают голодные огоньки.

Поверив клевете, муж изгнал меня из дома, а родные отвернулись. Мне удастся устроиться переводчицей в управлении далекого северного порта. Его хозяин — могущественного дракона. Опасный и горячий, он смотрит так, будто знает, чем я буду заниматься ночью.

Поверить очередному властному засранцу? Ну уж нет — отгородиться от него стеной из гордости и профессионализ-

ма!

Вот только он, кажется, твердо намерен и камня на камне не оставить от моей обороны.

Читать тут

<https://litnet.com/shrt/Bbf7>

В наступающей темноте его глаза сияют янтарным огнем. И в центре радужек не привычные точки зрачков, а... вертикальные щели, как у змей. Мужчина смотрит на меня без эмоций, словно я лишь цифра в числовом ряду, а не только что спасенная им девушка.

Это совершенно нечеловеческий взгляд. В глубине глаз полыхает нечто непостижимое.

Мне почему-то хочется жалобно пискнуть: “Мама”, превратиться в горошину и закатиться куда-то в высокую траву, чтобы на меня так не смотрели. Вся моя смелость слетает шелухой под этим взглядом.

— Спасибо... — нахожу в себе силы поблагодарить эту глыбу гранита и пячусь.

— Стой на месте, — холодно бросает он и садится на корточки

Затем кладет руки на землю, и она вспыхивает под его ладонями голубоватыми всполохами. Затем от его рук в стороны расширяется световое кольцо и замирает у носов моих стоптанных туфель. Трава, земля, останки разбойников — всё в границах круга начинает сиять голубым светом.

А потом полянку накрывает прозрачным куполом света. Я, как зачарованная, смотрю на происходящее. Ноги словно прирастают к земле, да я и не собираюсь никуда убегать.

Зрелище волшебное.

Дракон завершает ритуал и выходит из-под сияющего ковра.

— Место преступления законсервировано, — говорит сам себе. Затем переводит взгляд на меня: — С тебя показания.

— П-п-показания? — не сразу осознаю услышанное, чертovy янтарные глаза сбивают с мысли, не дают сосредоточиться.

— Ты знаешь, что такое показания? — немного резко спрашивает он, затем словно одергивает сам себя, устало замечает: — Хотя откуда тебе, крестьянке, знать...

Ах вот как, господин дракон? Его пренебрежительный тон срabатывает как красная тряпка для быка. Я мгновенно собираюсь.

— Я, Ханна Стаут, 21 год, направлялась из деревни Хечгео в Хауптдрахт, чтобы найти работу. По пути на меня напали... — рассказываю спокойно, последовательно, опуская ненужные подробности.

Янтарные глаза внимательно следят за мной. Когда я заканчиваю давать показания, дракон кивает, а потом вкрадчиво говорит, пристально глядя мне в глаза:

— Неплохо для простой крестьянки... — в янтарных глубинах вспыхивает подозрение.

Молодец, Оксана! Недолго музыка играла... И кому ты что доказала своим выпендрёжем? Этот явно из местных органов. А уж судя по тому, как он обошелся с бандитами, — из

каких-то подразделений с особыми полномочиями. Мысленно даю ему прозвище Товарищ Дракон, потому что в местных чинах я пока не разбираюсь.

— Спасибо, — кокетливо опускаю веки и скромно улыбаюсь. — У нас в Хечгехо всех допрашивали из-за того взрыва кареты. А я там как раз уборщицей подрабатывала. Вот и слышала всё. Покойный папенька всегда говорил, что у меня хорошая память. Так что я легко запомнила, как дознаватели говорили.

Огонь любопытства в янтарных глазах Товарища Дракона сразу сменяется ледяным холодом. Черты лица заостряются и грубеют.

— Хечгехо... — произносит он, ноздри хищно раздуваются. — Понятно. А на дороге ты что делала?

— Говорю же: в Хауптдрахт шла, работу искать. Мне после того переполоха так тесно стало в деревне. Я решила попытать счастья в городе. Читать-писать умею, всё же при господах несколько лет прожила. Память у меня отличная. Может, сгожусь на что-то более оплачиваемое, чем мытье полов.

— Принято... — кивает Товарищ Дракон и задумчиво произносит: — Хечгехо... Теперь понятно, отчего твое лицо мне показалось знакомым...

— Я свободна? А то мне еще идти и идти. Не хочется попасть в город за полночь.

— Я тебя сам в Хауптдрахт доставлю, — внезапно ставит

меня перед фактом мужчина. — А то опять к разбойникам попадешь. Идём, будем на месте в течение двадцати минут, — бросает приказным тоном, не терпящим возражений.

Обходит меня и скрывается в зарослях.

Мои ноги вдруг отмирают и несут меня следом за Товарищем Драконом. Продираюсь через кусты и выхожу на дорогу. На ней ни души. Ни коня, ни экипажа. Интересно, как он собирается меня в город доставить?

Мужчина выходит на середину пути. Его накрывает невесть откуда взявшийся небольшой вихрь... Раздается электрическое потрескивание, а потом... Да нет! Ну нет же...

Дыши, Оксана! Вдох — выдох! Медленно... Теперь окончательно ясно, что слово “дракон” — не метафора. Совсем не метафора. И дело не в только глазах с вертикальными зрачками.

Потому что на месте моего спасителя стоит огромное черное, словно грозовая туча, чудовище с полным набором: чешуя, зубы, хвост и крылья.

Дракон. Настоящий! Размером со слона в зоопарке. Только движения плавные, грациозные. В каждом — смертоносная мощь. Глаза остаются неизменными — такой же расплавленный янтарь.

Дракон вальяжно подходит ко мне и смотрит свысока. Поворачивается боком. Хвост изгибается, его кончик замирает у моих ног. Что он от меня хочет?

Стою в ступоре, не понимаю, что делать. Дракон поворачивает ко мне голову и пристально смотрит. Во взгляде нетерпение и легкое раздражение. Неужели он хочет, чтобы я...

— Мне надо залезть вам на спину? — сглотнув, уточняю я.

Дракон кивает. Кончик хвоста дергается. Я, кажется, понимаю, что делать. Встаю на хвост, упираюсь руками в могучий крутой бок. Странно, я ожидала, что порежу пальцы о чешую, которая в темноте напоминает осколки обсидиана. Но она совсем не острая и даже не холодная.

Хвост подобно платформе поднимает меня над землей и подносит к впадине между лопатками чудовища. Я перекидываю ногу и сажусь. И снова, к моему удивлению, мне удобно.

Наклоняюсь вперед, обнимаю руками шею дракона, чтобы не упасть.

Он расправляет огромные кожистые крылья и отталкивается от земли. Сердце замирает, забываю вдохнуть.

Это круче, чем прыжок на тарзанке, разгон на мотоцикле до ста пятидесяти и аттракцион “Свободное падение” вместе взятые. Потому что в этом есть не только скорость. В этом — мощь и спокойствие.

Земля быстро удаляется, желудок норовит провалиться куда пониже. Внизу живота щекотка, как когда смотришь вниз с балкона восемнадцатого этажа. Я инстинктивно прижимаюсь всем телом к спине и шее дракона. Хватаюсь покрепче.

Зверь взмывает вверх так стремительно, что закладывает уши. И так высоко, что я могу пощупать облака рукой. Тут холодно. Если бы от дракона не исходил жар, как от печки, я бы покрылась инеем в считанные мгновения. Но горячее тело монстра согревает и не дает мне превратиться в ледышку.

Я касаюсь щекой могучей шеи и просто смотрю, как мимо проплывают тучи, как внизу к нам быстро ползет скопление красных и оранжевых огней, как восточная часть неба покрывается пылью звезд.

Только я успеваю привыкнуть, как дракон начинает снижаться прямо в сердце огненного скопления, которое при приближении оказывается большим городом. Садится на большой мощеной булыжниками площади рядом с каменным зданием с башней. Вокруг площади громоздятся трех-

и четырехэтажные дома.

Осторожно спустив меня на каменную мостовую, дракон принимает человеческое обличье. Подходит ко мне, вынимает из кармана бумагу. Затем снимает с пальца перстень и прижимает его к листу.

Перстень вспыхивает красным, в воздухе витает дымок и запах легкой гари. Товарищ Дракон надевает перстень и протягивает листок мне.

— Этот документ позволит тебе остановиться в муниципальной ночлежке на неделю. Постарайся за это время найти работу и жилье, — холодно бросает он. — Иди к Западным воротам, покажи бумагу, тебя проводят.

Махнув в нужном мне направлении, Товарищ Дракон, не сказав больше ни слова, разворачивается и ныряет в густую тень плохо освещенной улицы. Я некоторое время стою с зажатым в руке листом и пялюсь в темноту. Но быстро прихожу в себя и на неверных после воздушного путешествия ногах иду в указанную сторону.

К моему удивлению, некоторые улицы освещены... некой примитивной версией газовых фонарей. Это не вяжется со сложившимся представлением о техническом уровне страны. С другой стороны, тут очень большой город даже по меркам моего мира. Мало ли чего наизобретали...

В слабом, дергающемся свете одного из фонарей я рассматриваю выданный мне документ. Это пустая бумага без единой надписи с выжженной на ней печатью. Всматриваюсь

в изображение дракона. В одной передней лапе он держит меч, в другой весы. Интересно... В моем мире весы — символ правосудия.

Мои подозрения, что Товарищ Дракон — при чинах, подтверждает реакция на выданный им документ.

Бумага с его печатью вызывает у стражников Западных ворот приступ дружелюбия и подобострастия. Два солдата сопровождают меня в ночлежку с таким почтением, будто я принцесса под прикрытием.

Заходим в приземистое одноэтажное здание, длинное и с маленькими редкими окнами. Если б не стены из кирпича, был бы типичный барак.

Как только двери в ночлежку открываются, мне в лицо бьет запах кислой капусты. Старушка-вахтерша на входе вскидывается и уже распяливает рот, чтобы наорать на меня, но замечает моих сопровождающих и затыкается не начав говорить.

Меня ведут сразу в кабинет к смотрителю по длинному обшарпанному коридору, с множеством кривых дверей. Из них выглядывают любопытные худые дети и изможденные женщины со сходящими следами побоев. Видимо, это аналог кризисного центра.

В конце коридора кабинет смотрителя. Тут и окна есть, и ремонт неплохой, и даже наблюдаются признаки мещанской роскоши: цветастые занавески, огромный стол и россыпь картиночек на стенах.

У одной из стен розовый диван, на котором сидит жирненький румяный мужичок, похожий на престарелого поросенка Фунтика. На крошечном столе с вычурной резной ногой перед ним фарфоровый заварник с росписью. Но пахнет вовсе оттуда не чаем.

При нашем появлении смотритель подскакивает и вытягивается. Один из стражников протягивает ему мой документ.

— Поспособствовать во всём предъявителю сего, — рычит он.

Смотритель робко кивает. Мои провожатые покидают кабинет, ритмично стуча сапогами.

— Проходите-проходите, — почти мурлычет смотритель. — Может, желаете поужинать?

— Спасибо, мне бы поспать.

— Конечно-конечно, — снова ударяется в повторы собеседник, — сейчас-сейчас. Проходите-проходите за мной.

Мне выделяют отдельную спальню. По меркам моей прошлой жизни, это убогая комната в коммуналке с тараканами, чокнутой соседкой и соседом-митьком. Но для обитателей барака это целые хоромы.

На единственной кровати даже есть серая простыня.

Я ложусь прямо в одежде и мгновенно засыпаю.

Меня будит городской шум. В узкое окно заглядывает солнце. Я вскакиваю, делаю зарядку и покидаю комнату. Иду в кабинет поговорить со смотрителем. Но там его нет.

Иду к вахтерше, но и ее не застаю на месте.

И тут, словно по команде, все двери открываются, и оттуда высыпают постояльцы ночлежки. Миг — и я в потоке усталых женщин и шустрых детей. Они проносятся мимо в бешеной спешке. Бегут в противоположную кабинету смотрителя часть коридора.

Я иду с ними и попадаю в помещение с рядами длинных столов. У дальней стены стоят смотритель, вахтерша и повариха, похожая на медведицу. Перед ними на невысоком столе огромная кастрюля.

К ним выстраивается очередь бледных женщин и детей с тарелками. Троица сотрудников ночлежки большими половниками зачерпывают содержимое кастрюли и раскладывают в тарелки пахнущую гарью овсянку. Кладут по чуть-чуть.

Все трое на фоне костлявых иссушенных невзгодами женщин смотрятся как дирижабли.

Получив паяк, постояльцы плетутся к столам и там унылоковыряют пищу.

Я беру чистую тарелку и становлюсь в очередь одной из последних. Мне надо поговорить со смотрителем насчет поиска работы.

Увидев меня, смотритель начинает суетиться.

— Пропустите-пропустите! — требует он, и очередь безропотно расступается передо мной.

— Нет-нет. Я не спешу, — отвечаю и остаюсь на месте.

По привычке наблюдаю за окружающим миром. От меня

не ускользает, как женщины с огромными от голода глазами откладывают детям часть своих порций. Как старшие братья и сестры повторяют эту процедуру, отложив младшим часть каши из своих тарелок.

Когда подходит моя очередь, повариха наваливает мне такую порцию, будто я — рота солдат. В глазах забитых и измученных женщин мелькает зависть, в детских взглядах — непонимание и... голод.

— Мне мало, — нагло заявляю я. — Думаю, мне нужны еще несколько таких же тарелок.

Все вдруг перестают стучать ложками о тарелки и смотрят на меня. Наступает оглушительная тишина. Меня обжигают полсотни полных ненависти глаз.

— Конечно-конечно... — разливается соловьем смотритель.

Он срывается с места, летит на цыпочках к чистой посуде, сам берет стопку тарелок и несет их к кастрюле. Вскоре все они наполнены до краев.

И я... Расставляю их на столах истощенных постояльцев. Себе беру новую чистую тарелку и немного откладываю в нее каши, а то, что осталось, отдаю детям.

Теперь наполненных ненавистью глаз ощутимо меньше. Всего три пары. Но зато какие — троица на раздаче.

После завтрака я нахожу смотрителя в кабинете. Он встречает меня хмурым выражением лица, но оно быстро сменяется фальшивым дружелюбием.

— Не могли бы вы подсказать, где я могу найти работу? — спрашиваю с ходу.

— Конечно, — сладко поет он, а у самого глазки злые. — У нас как раз есть несколько вакансий. Прачка в баню, служанка в красильню и уборщица в дом терпимости.

Все профессии нужны, все профессии важны. Вот только это мир, где нет стиральных машин, роботов, станков, электрических утюгов... Всё руками. А в краске небось еще и мышьяк затесался. Поэтому первые два варианта для субтильной Аксаны просто убийственные. Ну а третье предло-

жение неприемлемо ни под каким соусом.

Я сохраняю на лице вежливую улыбку.

— А есть ли что-то для грамотных? — уточняю в надежде, что это преимущество поможет мне найти что-то достойное.

— А вы умеете читать? — приподнимает бровь смотритель.

— И писать. И считать тоже, — перечисляю.

Он размышляет. При этом отводит глаза. Мне это не нравится. А еще больше мне не нравится, что он перестал повторять слова при общении со мной. Сильно же задела его моя выходка в столовой!

— Напишите запрос, — он подталкивает ко мне лист бумаги и чернильницу с торчащим из нее пером.

Образец он мне не дает. И я пишу так, как написала бы заявление в своей прошлой жизни: “Такой-то такой-то. Заявление. Прошу поспособствовать... Дата. Дата. Имя”. Но и тут мне ставят препоны.

Чернила вязкие, почти высохшие, кончик пера измочален, словно кисточка. Писать крайне неудобно, особенно с непривычки. Но я справляюсь, едва не порвав в нескольких местах бумагу. Передаю заявление смотрителю. Он не глядя отправляет его в стол и задвигает ящик.

— Я вам сообщу, если найдется что-то подходящее, — ласково обещает он.

— Спасибо, — вежливо отвечаю я и разворачиваюсь к двери.

— Кстати, поскольку мы очень ценим наших постояльцев и заботимся о них, то еду с этого дня вам будут приносить в вашу комнату, — доносится мне в спину.

Закрываю дверь.

Пу-пу-пу... Ну что, Оксана, то есть Аксана, то есть Ханна... Поиграла в благодетеля? Теперь тебе точно никто в этом здании не поможет. Достāju бумагу с печатью и замечаю, что та едва заметно побледнела.

Вот как... Значит, через неделю от нее не останется и следа. Срочно надо искать работу!

А ловко все же смотритель придумал, как сделать, чтобы я больше не мешала ему в столовой. И не прикопаешься: со всем уважением!

Бреду в задумчивости по коридору.

— Эй, пс-с-с... — слышу вдруг сбоку.

Оборачиваюсь на звук и вижу мальчонку лет восьми, чумазого, худющего, с похожими на черных жучков подвижными глазами.

— У меня к тебе есть предложение, — деловито начинает парень.

— Я слушаю, кстати, я... Ханна... — протягиваю руку для приветствия.

Мальчишка охотно пожимает и продолжает:

— Я Ганс. Случайно услышал твою беседу со смотрителем. И вот что скажу. Он тебе работу не найдет. Даже пальцем о палец не ударит.

Покорно слушаю, стараясь сдерживать улыбку. Случайно подслушал! Ну-ну! Но в том, что работу надо искать самостоятельно, он прав.

— И что ты предлагаешь? — серьезным тоном спрашиваю у него.

Он манит меня пальчиком, и, когда я наклоняюсь, шепчет на ухо:

— Я знаю, где ты можешь получить работу. Но за все есть плата.

— Назови свою, — шепотом отвечаю я.

— Пойдем, — он берет меня за руку и тащит на улицу.

Мы выходим из барака и направляемся в центр. Идем по мощеным тротуарам в полном молчании. Я по привычке составляю карту местности в голове, изучаю внешний вид горожан.

Останавливаемся минут через двадцать у старинного помпезного здания. На входе серебряная табличка “Общественная библиотека”.

— Возьми мне книгу сказок. И чтобы с картинками! Мне для сестренки. Буду их учить читать... — поясняет мальчик. — Я буду ждать тут. Как только ты дашь мне книгу — я дам тебе информацию.

Записаться оказывается просто. Особенно после того, как я демонстрирую бумажку с печатью. Уже через полчаса я выношу из здания библиотеки несколько книжек со сказками и картинками.

У Ганса аж руки дрожат. Он трогает книги, словно это ценные реликвии. Поднимает взгляд на меня.

— Старику Бирмену в его курьерскую контору нужна девушка, чтобы доставлять женскую почту.

Так я нахожу работу. Меня берут сразу же, потому что я обладаю всеми необходимыми качествами: я грамотная, милостивая, воспитанная. На меня сгружают заказы жен и дочерей местных дворян и подражающих им купцов.

Я весь день ношусь с тяжелой сумкой. В ней не только письма, но и различные посылки. Мужья и отцы знатных барышень не ревнуют к такому курьеру, правила приличия не запрещают мне проходить в их покои, чтобы подождать ответа на послание.

Я не жду неделю, когда сойдет печать Товарища Дракона, и в тот же день покидаю ночлежку. Старик Бирмен выделяет мне комнату при конторе. И вечерами я помогаю ему с бухгалтерией.

Благодаря работе я уже через полмесяца знаю Хауптдрахт вдоль и поперек. Скромный заработок я трачу на приобретение важных мелочей: белье, расчески, полотенца, удобная обувь...

Ганса я каждую неделю снабжаю новыми сказками с картинками.

Ночью я читаю книги из местной библиотеки. Проглатываю одну за другой. Поглощаю всё, что поможет мне понять жизнь и традиции Эльдратории: историю, географию, сбор-

ники легенд и сказок... И конечно же, юридическую литературу.

Изучаю подшивки газет, чтобы хоть примерно понять, в чем обвинили Бишопов. Но сведения не то что скудные — их нет. Еще зимой это была одна из богатейших и самых обсуждаемых семей колонии, завсегда в светской хронике, а потом они словно испарились. Ни строчки о них.

Через месяц, когда я заглядываю в контору, Бирмен просит зайти к нему.

— У нас особо важный заказ. Пакет в прокуратуру. Только тебе могу его доверить, — таинственным голосом произносит он.

Спустя полчаса я с объемным пакетом документов стою у местной прокуратуры. Пакет тяжелый, оттягивает плечо. Захожу в здание. Я в нем впервые. Бреду по лабиринту переходов в поисках нужного кабинета.

Тут царит величественная тишина. Пахнет сургучом, бумагой, кофе и чем-то едва уловимо знакомым.

С трудом нахожу нужную дверь. Останавливаюсь у нее поправить сумку.

И вдруг из кабинета на меня выскакивает молодой человек с кипой папок. Взгляд перепуганный, почти безумный. За ним несется яростный визг:

— Приведи наконец документы в порядок!

Молодой человек в панике натывается на меня, испуганно взмахивает руками. Документы разлетаются во все стороны.

Парень с испугом смотрит на падающие, словно осенние листья, бумаги, и с отчаянием вскрикивает:

— Как теперь их собрать? Тут же всё перемешалось! — затем его внимание переключается на меня. И место испуга в глазах занимает бешенство. Парень подскакивает ко мне, подносит кулак к моему лицу и гневно орет: — Ты... Это ты виновата! Ты заплатишься за это!

Его отчаянный крик разрывает тишину. Из всех дверей высовываются любопытные. Вокруг быстро собирается толпа служащих, которые осуждающе смотрят на меня и качают головами. Напряжение и негодование в воздухе растекаются плотным киселем.

Дорогие читатели! Пока мы гадаем, как героиня выпутается из ситуации, предлагаю почитать мою новую историю "Магическая свалка для попаданки"

Я попаданка в мире магии и драконов. В наследство от мужа мне достается свалка на задворках империи. А вместе ней — беженцы, опасный магический мусор и обвинения в отравлении реки. Да еще местный губернатор требует в кратчайшие сроки устранить нарушения. Но ведь недаром я мечтала стать экологом! Уж я наведу порядок на этой свалке, объединю мусорщиков в гильдию, выясню, кто на самом деле травит горожан, и покажу всем, что мусор может быть настоящим сокровищем.

Вот только на мои владения постоянно нападают неизвестные, а губернатор повадился проводить инспекции почти ежедневно...

<https://litnet.com/shrt/d7-j>

Я смеряю парня спокойным взглядом. В душе я, конечно же, возмущена. Я ни в чем не виновата, и этот недотепа пытается за мой счет потешить уязвленное начальником эго. Но не стоит тянуть дракона за хвост. Поэтому я не позволяю себе ответной грубости.

— Я соберу, — равнодушно говорю я.

Мгновение сотрудники переваривают услышанное, а потом на меня со всех сторон сыпятся смешки и улюлюканье. На звук из кабинета высовывается наоравший на моего обидчика начальник — невысокий круглый мужчина в возрасте.

Сразу видно человека, горящего своим делом. Залысины, круги под глазами от недосыпа и преждевременно постаревшее лицо. Глаза красные, воспаленные. Вылитый шарпей...

Успеваю прочитать табличку на двери — заместитель прокурора Савчи Фискалио...

— Что тут происходит? — раздраженно спрашивает он.

— Да вот, пришла тут бедовая, — торопится наябедничать парень, — по сторонам вообще не смотрит... Папки из рук выбила, все документы рассыпала. Теперь еще заявляет, что всё соберет.

— Соберет, — кивает начальник, глядя на меня с прищуром. — И рассортирует. Иначе заплатит штраф. Или я Бирмена прикрою. Ты же от него?

Говорит беззлобно, даже немного устало. Во взгляде нет неприязни, только равнодушие и железобетонная твердость.

— Так точно, господин начальник! — вырывается у меня рефлекторно. — Соберу и сортирую!

Я даже по привычке приосаниваюсь. Разве что руку для приветствия не скидываю к виску.

Мой порыв по достоинству оценен и вознагражден взрывом мужского издевательского смеха. Но он тут же прекращается, стоит начальнику сердито глянуть на сотрудников.

— За работу! — рычит он, затем открывает дверь в кабинет и устало говорит: — Потом собирать будешь. Сначала разберемся с почтой. Заходи.

В кабинете он заполняет бланк заказа, принимает корреспонденцию, пересчитывает конверты. Затем удовлетворенно кивает и переводит взгляд на меня.

— Ну что ж, собирай, коли сумела раскидать.

Я молча выхожу в коридор. Пока я была в кабинете, некто добрый старательно рассыпал документы веером, чтобы уж наверняка получить порцию веселья от бесполезных попыток жалкой курьерши всё исправить.

Вот только этот некто, сам того не желая, помог мне. Теперь я отчетливо вижу всё, что придется сортировать. Пока смотрю, мозг уже раскладывает бумаги.

Это для новичка в делопроизводстве все документы на одно лицо. Но разница сразу бросается в глаза. Разные почерки, разный оттенок бумаги, цвет чернил — эти элемен-

ты объединяют документы в группы. Далее просто остается прочитать, чем заканчиваются и как начинаются рассеянные по полу листы, и объединить их по смыслу.

На титульных листах указаны номера дел и их квалификация. Так что разложить их по папкам “Подлоги”, “Убийства”, “Мошенничество”, “Незаконная магическая деятельность”, “Крамola”, “Воровство”, “Грабеж”, “Незаконный оборот магических предметов” — дело нескольких минут.

Вскоре передо мною аккуратно укомплектованные папки. Я подхватываю их, разворачиваюсь и утыкаюсь прямо в своего обидчика. Его глазки блестят от предвкушения, как он сейчас размажет эту жалкую простолоудинку.

— За мой стол, — бросает он и направляется по коридору в просторное помещение, уставленное столами сотрудников. Между ними только перегородок не хватает, а так были бы типичные загончики для офисных работников.

Мне он и не думает помогать. А папки тяжелые. Но я безропотно доношу их и со стуком водружаю на стол. Парень берет верхнюю папку “Подлог”, открывает, слюнявит пальцы и листает.

Вокруг постепенно собираются его коллеги. Они затаив дыхание ожидают повода поохотать.

Мой обидчик — судя по табличке на столе, его зовут Уолтер Штаат — с шумом перелистывает каждую страницу. На его лице сосредоточенность сменяется злобой. И вдруг он издает торжественное восклицание:

— Ага! Ошиблась! Ты переложила сюда дело бухгалтера Фарио! Хотя там мошенничество!

— Неужели? — изгибаю бровь. — Не могли бы вы пояснить, почему?

— Да что тебе объяснять? — с презрением бросает Уолтер. — Тут же всё понятно.

— Нет уж, Уолт, будь добр, объясни, — слышится вдруг из-за спин окружающих нас людей голос Фискалио.

— Ну... — Уолтер вдруг сразу становится нерешительным. — Тут обман. Из-за него злоумышленник получил деньги со счета пострадавшего.

Я вздыхаю и сокрушенно качаю головой:

— Мошенничество — это когда жертва сама передает деньги, поверив лжи. А подлог — когда подделывают бумаги без её ведома. Тут явно второй случай.

— Как докажешь, что тут подделка? — уточняет Фискалио.

Оборачиваюсь к нему. Сотрудники расступаются, чтобы мы с замом видели друг друга. Фискалио стоит, подпирая стену. Руки скрещены на груди, глаза полуприкрыты.

— А вы понюхайте! — подставляю бумагу под нос одному из зрителей. — Укус! Им смыли предыдущие записи, а печать и подпись жертвы оставили. Потом написали новый текст. Присмотритесь, края печати немного размыты. К тому же на свету видны оттиски предыдущего текста, и они не совпадают с нынешним. Так что подлог документа налицо.

Повисает такая тишина, что слышно, как скрипят сапоги у одного из прокурорских служащих.

— Уолт, притащи папки ко мне на стол, я лично каждую проверю, — приказывает Фискалио недотепа, а потом поднимает на меня взгляд: — А ты ко мне в кабинет. Есть разговор.

После этого я полтора часа сижу в кабинете заместителя в кресле и жду, пока он тщательно просмотрит папки. Закончив, Фискалио смотрит на меня. Молчит с минуту, втягивая и выпячивая губы. Наконец выдает:

— Ни единой ошибки! Забудь о курьерской службе. Будешь работать здесь. Должность мы тебе подберем. Но сначала надо согласовать назначение с прокурором, — он быстро пишет записку и передает мне. — Иди в кабинет на втором этаже и передай это прокурору. Он побеседует с тобой и примет окончательное решение.

Я не чувствуя под собой ног взлетаю на второй этаж, нахожу нужную дверь и останавливаюсь перед ней, приглаживаю волосы, поправляю ворот, смахиваю невидимые пылинки с плеч и разравниваю складки на подоле. Набираю в рот воздуха и заносу руку для стука. Быстро читаю фамилию будущего начальника...

И ощущаю, что на меня будто ведро ледяной воды вылили. Рука замирает в воздухе. Шумно выдыхаю, едва не поперхнувшись воздухом. Еще раз читаю табличку, чтобы удостовериться, что не ошиблась.

Нет.

Всё правильно.

Это. Очень. Плохо!

Мне надо срочно убираться, пока я не попала прокурору на глаза.

Резко разворачиваюсь и дергаюсь к лестнице. И тут же врезаюсь в широкую каменную грудь.

— Вот так встреча! — раздается над головой раскатистый низкий голос.

Поздно.

Медленно поднимаю лицо и встречаюсь взглядом с глазами того, чье имя у меня теперь ассоциируется со смертельной опасностью.

Прокурор Джустис Прозекуре, который отправил всю семью Бишопов на казнь, возвышается надо мной и смотрит... Смотрит полыхающими янтарными глазами... Такими же цепкими и пронзительными, как в ту ночь, когда он спас меня от придорожных бандитов.

— Фискалио отправил тебя ко мне на собеседование. Но в нем нет смысла, — раскатистый, словно морской прибой, голос бьет холодом и неотвратимостью.

А я и не против. Я, конечно, хотела оказаться в привычном мне окружении, среди служителей закона и порядка, но точно не в компании того, кто уничтожил всю мою семью в отместку за гибель любимой. Так что его отказ меня несколько не огорчает.

— Понятно, — роняю я непослушными губами и стараюсь обойти Прозекуре и покинуть здание прокуратуры.

Но он не выпускает меня. Стоит словно скала.

— И куда это ты собралась? — ровным тоном уточняет он.

А у меня от его интонации дыхание застревает в груди, а сердце вообще скачет куда-то в стратосферу, как умалишен-

ное.

— Ну вы же сказали, что я вам не подхожу... — я еле ворочаю языком от страха.

Неужели он знает, кто я? Чего ждать? Стражников, которые отведут меня в Тенебру? Или он сам разделается со мной, как с теми бандитами в кустах сирени?

Словно в подтверждение страшных мыслей на мои плечи ложатся тяжелые сильные руки. Тело словно прошивает разряд тока. Я дергаюсь, но Прозекуре держит крепко.

Его ладони такие же горячие, как тело дракона в ту ночь, во время полета. Вроде греют, но могут и обжечь.

И тут Прозекуре мягко разворачивает меня и подталкивает к кабинету. Дверь услужливо распахивается. Сама.

Я на негнущихся от ужаса ногах бреду в проем, словно овца в пасть ко льву. Значит, разделается со мной без стражников, сам... Была курьерша Ханна Стюарт — и нет ее больше...

Парализованный страхом и ожиданием скорой смерти мозг всё равно умудряется анализировать интерьер. В голове проносятся теперь уже бесполезные выводы о хозяине кабинета.

Помещение большое и сдержанно роскошное. Никаких изысков, сугубо практичные и необходимые вещи и мебель, но их качество, материал, из которого они изготовлены, очень настойчиво сигнализируют: хозяин выбирает лучшее.

Вдоль стен стеллажи с бесчисленными рядами книг. До-

рогуший стол из темного дерева завален папками и документами. Из подставок торчат свитки. На стене за спиной прокурора висят начищенные до блеска парадные мечи и кинжалы.

Прозекуре подводит меня к стулу для посетителей и усаживает на него, сам обходит стол и устраивается в массивном кресле с высокой спинкой. В лезвии широкого меча без ножен, который специально повешен с небольшим наклоном, вижу свое бледное отражение.

Сиюю прямая, как доска. Руки держу на коленях, ладони подрагивают. Сердце грохочет так, что я удивляюсь, отчего прокурор не закрывает уши от такого грохота.

Прозекуре рассматривает меня с холодным любопытством энтомолога, поймавшего редкую бабочку.

— Я не говорил, что ты мне не подходишь, — наконец произносит он. — Я сказал, что в собеседовании нет смысла. Потому что я прекрасно слышал всё, что происходило на первом этаже. К тому же ранее я уже имел возможность понаблюдать за тобой в критической ситуации.

Я молчу и во все глаза смотрю на прокурора, а он продолжает:

— Ты отлично справилась. У тебя острый ум, ты наблюдательная, а главное — умеешь молчать. Это то, что мне нужно.

— Для чего? — блею я.

Неужели прокурор отвесил мне сейчас пару комплимен-

тов? Мозг отказывается понимать происходящее.

— Для работы моей помощницей. Будешь сопровождать меня, писать отчеты, выполнять прочую бумажную работу и следить за моим расписанием. Приступить нужно немедленно.

Моя челюсть вот-вот бахнется о пол. Я удерживаю ее невероятным усилием воли. Все силы уходят на это, поэтому на такое безапелляционное предложение я в состоянии лишь пискнуть:

— Я не могу!

Я имела в виду, что не могу сейчас. Потому что у меня еще заказы, и я подведу Бирмена, если не доставлю их. А подводить того, кто был добр ко мне, совсем не хочется.

Однако Прозекуре понимает мой писк по-своему. Он одобрительно кивает, молча пишет что-то на бумаге и передает лист мне. Там число. Двухзначное.

— А так? — спрашивает он.

— Что это? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Твоя зарплата за месяц, — роняет Прозекуре так, будто это само собой разумеющаяся информация.

И снова все мои ментальные силы идут на поддержание челюсти и дыхания. Иначе что-либо бахнется о пол. Или челюсть, или вся я. Это очень... Очень щедрое предложение.

И оно меня цепляет. Ведь с такими деньгами я смогу отблагодарить Якубу и помочь обитателям ночлежки!

Да и что мне может грозить? Будь Прозекуре лично зна-

ком с Аксой Бишоп, он бы уже узнал ее. Так что... Чего я боюсь? К тому же я буду в привычной среде и смогу быть полезной. Помогать вершить правосудие...

— Я готова приступить к новым обязанностям, но не прямо сейчас. Мне еще надо выполнить поручения по старой службе, передать дела новым курьерам и вернуть Бирмену форму.

А еще найти новое жилье...

— В котором часу заканчивается твоя смена? — уточняет Прозекуре.

— В шесть вечера, — отвечаю я, не понимая, куда он клонит.

— Принято, — кивает мой будущий начальник. — Тогда иди доделай дела по прежней службе.

Я вылетаю из прокуратуры с ощущением, что я только что совершила нечто невозможное. Лечу в курьерскую контору. Там, конечно же, ругаются, что я сильно задержалась. Я не реагирую, хватаю оставленные мне заказы и разношу их со скоростью кометы. Земля под ногами буквально горит. А еще надо заглянуть в ночлежку к Гансу.

По возвращении объясняюсь со стариком Бирменом. Он с пониманием принимает новости, но явно огорчен тем, что теряет курьера-женщину. Однако я тут же представляю ему младших сестер Ганса, которых мальчик успел обучить грамоте.

К шести вечера в спешке разгребаю все дела, получаю рас-

чет, собираю в корзину нехитрые пожитки — пару смен белья и запасное платье — и покидаю контору с целью снять где-нибудь крохотную комнату.

Вот только планам моим сбыться не суждено. На входе меня уже ждут.

Джустис Прозекуре

На крыльце вижу высокую широкоплечую фигуру, закутанную в форменный черный плащ. Прокурор Джустис Прозекуре собственной персоной встречает меня.

Он приподнимает бровь при взгляде на корзину в моих руках.

— Что там?

— Это не имеет значения, тов... господин прокурор, — прижимаю корзину к себе, словно хочу отгородиться ею от будущего босса.

Мозг терзает мысль: “Что он тут забыл? Зачем явился?”

— Сейчас восемнадцать ноль один, так что ещё как имеет значение. Ты на службе. И у нас задание.

— Но я думала... — пытаюсь отстоять свое право на отдых я.

— Что в словах “Приступить нужно немедленно” тебе непонятно? Я дал тебе время закончить дела на прежнем месте, теперь ты работаешь на меня. Похоже, я несколько переоценил твои умственные способности.

С одной стороны, такое отношение к новому сотруднику просто ужасно! Разве можно так поступать с человеком, который только что отработал смену на ногах? С другой стороны... Я узнаю в этом маньяке родственную душу.

Да и не привыкать мне к тому, что работа найдет меня где

и когда угодно. С момента, как я ещё студенткой последнего курса пришла общественным помощником в прокуратуру, а это было почти тридцать лет назад, я пахала именно в таком нон-стоп режиме.

Меня выдергивали из отпуска из-за кровавой бойни на городском пустыре. Я отменяла свидания с потенциальными кавалерами из-за внезапно нагрянувших проверок. Или вообще забывала отменять и не приходила...

Как-то мы всем коллективом мчались на вызов прямо из охотничьего домика, где отмечали день прокуратуры. У оперов глаза на лоб полезли, когда мы все, в том числе едва стоящий на ногах судмедэксперт, пьяные и шумные ввалились в квартиру, где произошло убийство. К нашей чести, мы тогда сработали чисто и уже через час по горячим следам задержали преступника.

А когда мы ловили одного провинциального душителя... М-м-м... Помнится, я тогда трое суток не спала и вытягивала на кофе и коле.

Так что я смиряюсь и честно отвечаю господину Джустису Прозекуре:

— Там мои вещи. Я жила при конторе. Теперь мне надо искать новое жильё.

Дракон прикрывает глаза, устало выдыхает и произносит:

— Я решу этот вопрос. Давай корзинку сюда.

— Она не тяжёлая! — протестую я, покрепче хватаясь за свою ношу. — Там только пара вещей!

Янтарные глаза на миг вспыхивают гневным пламенем.

— Отдай корзинку. Ты с ней неповоротлива и будешь меня задерживать! — рычит Прозекуре.

Я молча протягиваю ему свои пожитки. Прокурор ловко перехватывает корзину, которая странным образом ничуть не портит его мужественный образ, разворачивается и бросает через плечо:

— За мной! И запомни, — задерживается он буквально на мгновение, — ты должна беспрекословно меня слушаться. Приказы не обсуждаются.

И он пускается быстрым чеканным шагом по вечерним тротуарам Хауптдрахта. Я подхватываю юбку и торопливо иду следом, едва поспевая за ним. Прохожие, завидев моего босса, шарахаются в стороны пропуская его и меня.

Впрочем, забег продолжается недолго. Мы пересекаем район ремесленников и вступаем в более богатый район мастеров. Тут в основном работают ювелиры, элитные портнихи, парикмахеры и прочие.

Вскоре мы тормозим у крыльца известного инженера-изобретателя Бинна Кули.

— Слушай и запоминай всё, что будет произнесено на встрече. Цифры, даты, названия, имена, — сказав это, Прозекуре стучит в дверь.

Нас встречает подмастерье господина Кули, долговязый нескладный юноша, и проводит в кабинет наставника.

— Господин прокурор! — хозяин дома, полная проти-

воположность своего ученика — низкий, толстый, лысый и сильно престарелый, подрывается из-за стола и кидается пожимать руку гостю. — Я рад видеть вас и вашу спутницу, — он многозначительно смотрит на меня и галантно кланяется.

— Это не спутница, — холодно бросает Прозекуре и прячет руку после рукопожатия под плащ. — Это моя помощница. При ней можно говорить как есть.

— Ей точно можно доверять? — хмурится Кули.

— Если у меня появятся поводы сомневаться в своем сотруднике, этот сотрудник совершит вояж в Тенебру, а уж там разберутся, реальны ли эти поводы, — ровным голосом отвечает прокурор.

При упоминании Тенебры я невольно ежусь. Прокурор ясно дает понять, что, стоит ему засомневаться в моей способности хранить тайны, он отправит меня в пыточную.

— Садись, — приказывает босс и пододвигает мне стул для посетителей.

— Но... — пытаюсь отказаться я.

— Беспрекословно меня слушаться, — с нажимом говорит начальник и, когда я падаю на изящный стул из гнутой древесины, он ставит мне на колени мою корзинку, а сам становится у меня за спиной.

Я затылком ощущаю исходящие от него жар и силу. Украдкой оглядываюсь и вижу, что Прозекуре держит руки на спинке стула.

Мои ноги гудят после целого рабочего дня, и сейчас, сидя

на удобном сиденье и незаметно разминая стопы, я едва не плачу от блаженства и благодарности. И при этом не понимаю, как в одном человеке могут уживаться начальник-тиран, чуть что грозящий пытками, и заботливый джентльмен?

— Итак, господин Кули, как ваши успехи? — спрашивает босс у сидящего напротив нас хозяина кабинета.

Тот широко улыбается и достает из ящика золотую шкапулку, осторожно открывает ее и извлекает обычные очки с розовыми стеклами. Он передает их боссу.

— Транслюминарные окуляры! — торжественно произносит он.

Стоящий надо мною Прозекуре наклоняется за ними, задевая моё плечо, и по телу от разбегается волна тепла. Может быть из-за этого ощущения мне кажется, что окуляры на мгновение вспыхивают красным, когда их проносят в сантиметре от моего лица.

Некоторое время держится молчание. Наконец Прозекуре нарушает его:

— Отличная работа! Удобные, прочные... То что нужно. Вы проверяли их?

Кули с гордостью улыбается.

— А как же? Да вы и сами можете проверить. — Ювелир снова отвлекается на ящик стола и вытаскивает оттуда серебряное блюдо, на котором лежат с десятков изумительных колец с сапфирами. — Одно из них сняли с пойманного недавно метаморфеля. Угадаете какое?

Задираю голову и смотрю, как Прозекуре водружает на нос транслюминарные окуляры. И снова повторяется история с корзиной: розовые очки не превращают моего босса в музыканта а-ля хиппи или рок-н-рольщика. Он выглядит всё так же мужественно и серьезно. Наверное, дело в его пылающих глазах...

— Это, — без раздумий указывает он на лежащее в середине кольцо.

— Верно, — сияет от счастья Кули.

— Беру, — отрезает Прозекуре. — И мне надо еще. Штук двести, а еще лучше триста, чтобы снабдить инквизиторов из провинции.

Улыбка слетает с лица ювелира.

— Так... Никак не получится, господин Прозекуре, — мнётся он. — Ни единой пары больше. Я и так последние транслюминары чудом нашел.

— С каких это пор транслюминары стали редкостью? — хмыкает босс.

Кули белеет, но всё же отвечает:

— С тех самых, как все члены семьи Бишоп были казнены, и их шахты по добыче транслюминаров запечатались.

Упоминание фамилии Бишопов бьет наотмашь, я напрягаюсь, сердце начинает барабанить, как сумасшедшее.

За спиной слышу оглушительный треск дерева. Испуганно оборачиваюсь и вижу, как босс в гневе так стиснул спинку стула рукой, что выломал ее кусок.

— Что значит, все члены семьи Бишоп были казнены? — рычит Прокурор, и в его низком голосе отчетливо слышны звериные ноты.

Господин Кули отшатывается и выпаливает:

— Их всех казнили месяц назад... Разве вы не знали?

На Прозекуре страшно смотреть. Его глаза горят, зрачки превратились в узкие вертикальные щели, на лбу обозначилась рябь чешуек, как у змеи. От него исходит такой жар, что я ощущаю себя так, словно привалилась спиной к печке.

— Стаут, идём, — бросает Прозекуре и, развернувшись на каблуках, направляется к выходу. У дверей останавливается и приказывает Кули: — Эту корзину доставить ко мне домой.

Я подсказываю, оставляю корзину на стуле и несусь за начальником. У меня в голове тысячи вопросов. Что такое трансляторы? Кто такие метаморфели? И главный вопрос: Джустис Прозекуре не отдавал приказа казнить Аксану Бишоп?

Но прокурор в таком лютном бешенстве, что я даже заговорить с ним боюсь, молча бегу следом за ним.

Мы выскакиваем из дома Кули и мчим по городским улицам по направлению к площади перед ратушей. Я не успеваю смотреть по сторонам, замечая лишь краем глаза, что встречные не просто отшатываются — они буквально разлетаются в стороны, как от столкновения с поездом.

Едва ступив на площадь, Прозекуре начинает обращать-

ся. До центра он добирается уже в обличии дракона. Оборачивается, ловит мой взгляд горящими глазами, и мотает головой на спину.

Я уже знаю, что делать. Разбегаюсь, левой ногой опираюсь на заранее подставленный драконом хвост. Через миг он поднимает меня на уровень спины, и я перекидываю через нее правую ногу. Я снова между лопатками могучего зверя. Наклоняюсь и обхватываю горячую шею.

Мы тут же отрываемся от земли, быстро поднимаемся в воздух — гораздо выше, чем в прошлый раз. От скорости закладывает уши, как в самолете. Я прижимаюсь щекой к чешуе, потому что, когда попытаюсь поднять голову, ветер больно хлещет по лицу.

Мне кажется, не проходит и четверти часа, как впереди замечаю черную громаду Тенебры.

Дракон пикирует во двор, у меня захватывает дух. Я вжимаюсь в зверя всем телом, потому что земля приближается слишком быстро. Задерживаю дыхание и зажмуриваюсь.

Странно, но приземления я не чувствую. Вместо этого кто-то мягко стучит меня по плечу. Открываю глаза и поворачиваюсь. Это дракон нетерпеливо постукивает меня кончиком хвоста, намекая, что пора бы слезть.

В панике я забываю, что нахожусь на высоте примерно второго этажа, и норовлю скорее покинуть спину дракона. Просто перекидываю ногу и скатываюсь по крутому боку вниз. И только увидев, как далеко находится брусчатка, со-

ображаю, что сейчас переломаю ноги. Но падения уже не остановить.

Я зажмуриваюсь и морально готовлюсь к пронзительной боли. Но вместо этого чувствую, что угодила ногой во что-то мягкое и теплое, что не дает мне упасть.

Открываю глаза и испытываю ужасающую неловкость. Дракон поймал меня... носом. И теперь я топчусь по... морде своего начальника. Янтарные глаза пристально смотрят на меня, и в них отчетливо читается сомнение. В голове тут же всплывают слова Прозекуре: "Похоже, я несколько переоценил твои умственные способности".

Он осторожно опускает меня на мощный булыжником двор и терпеливо ждет, пока я соизволю слезть с его головы. Я торопливо спрыгиваю, испытывая дичайшее смущение.

Прозекуре обращается в человека. Мне безумно стыдно поднять на него глаза. Я сглупила. Сейчас он в своей едкой манере выскажет всё, что думает обо мне. Но вместо уничижительных слов слышу короткое: "Идём..."

Мы снова куда-то несемся. Над головой чернота, но сам двор тюрьмы хорошо освещен. Отчетливо виден каждый камешек.

Подходим к двери, у которой стоят стражники. При появлении Прозекуре они вытягиваются по струнке, один из них услужливо распахивает дверь.

Мы идем по запутанному коридору с множеством лестниц. Поднимаемся всё выше. Перед нами очередная дверь

под охраной. Прозекуре без единого слова толкает ее и входит. Я за ним.

Мы попадаем в кабинет, такой же спартански-роскошный, как у Прозекуре в Хауптдрахе. Только вместо книжных полок тут стеллажи с самодельным оружием и поделками из хлеба. Я останавливаюсь на пороге и бегло оглядываюсь.

Кажется, я догадываюсь, чей это кабинет. Прозекуре подтверждает мои догадки, подходя к столу, за которым сидит словно высеченный из гранита здоровенный мужчина, и протягивая руку, рычит:

— Начальник тюрьмы Гримвальд Кандерос!

Тот пожимает руку и кивает:

— Главный прокурор Джустис Прозекуре! — Скользит по мне равнодушным взглядом и снова обращается к моему начальнику: — Чем обязан?

— На основании чего казнили Аксану Бишоп?

Кандерос откидывается на спинку массивного стула и складывает ладони перед собой. С прищуром смотрит на Прозекуре:

— На основании приказа о казни всех членов семьи, достигших совершеннолетия на момент совершения преступления, — чеканит он.

Прозекуре опирается на стол обеими руками и нависает над Кандеросом. Мне со спины не видно выражение его лица, но судя по голосу он в бешенстве:

— Аксана Бишоп не была совершеннолетней, когда ее

родственники... убили мою жену! — рычит он.

Глаза Кандероса вспыхивают синим. Он с ледяным спокойствием открывает ящик стола и достает оттуда толстую папку. Подталкивает ее Прозекуре:

— У меня иные сведения. Можете посмотреть, в папке ее документы.

Прозекуре садится на стул и принимается изучать содержимое папки. Выуживает из стопки нужную бумагу и долго ее рассматривает, даже нюхает.

— Стаут, — наконец приказывает мне, — посмотри, может, ты что-нибудь увидишь.

Я послушно подхожу, ежась под ледяным взглядом Кандероса. Я догадываюсь, что он тоже дракон, причем не менее могущественный, чем мой начальник.

Беру документ с твердым намерением разглядеть там малейшие признаки подделки. И пристально вглядываюсь в поисках зацепок.

Это паспорт Аксаны. И в нем действительно указана дата рождения на несколько месяцев раньше реальной. Но как бы тщательно я ни вглядывалась в документ, как бы ни принюхивалась, ни мяла бумагу в руках, прислушиваясь в поисках разницы хруста бумаги, вердикт неутешительный.

— Документ настоящий, — говорю я и кладу документ на стол.

Прозекуре прожигает меня взглядом янтарных глаз.

— Спасибо, Стаут... — Он поднимается, бросает Кандеросу: — Благодарю за содействие. Извини за внезапное вторжение. Могу ли я взять папку с собой? Эту и все, что есть по делу?

Кандерос равнодушно кивает:

— Отдать не могу, но позволю их изучить.

Через двадцать минут мы с Джустисом идем по коридорам, нагруженные несколькими тяжелыми папками. Вернее, мне Прозекуре выдал одну, а сам несет остальные пять — по одной на каждого члена семейства Бишоп.

Кандерос выделил нам комнату в Северной башне, у нас ровно ночь на изучение.

Нас провожает один из служителей Тенебры. К моему несчастью, это тот самый мародеришка, которого я напугала до потери сознания. Он идёт впереди в черном балахоне и

периодически оглядывается на меня. Хмурится, будто что-то вспоминает.

По спине катится ледяной пот, руки с тяжёлой папкой едва заметно дрожат. Сердце ускоряется, словно хочет сбегать. Я прикладываю все силы, чтобы держать лицо и не облизать пересохшие от волнения губы.

Я стараюсь идти, словно ничего не происходит: держу спину прямо, дышу ровно, все усилия сосредоточив на этом.

Но у драконов какое-то невероятное чутье. Не мог же он услышать мое разогнанное страхом сердце? Прозекуре шумно втягивает носом воздух и резко останавливается. Хватает за плечо навязчивого служителя и резко разворачивает его к себе:

— У тебя какие-то вопросы к моей помощнице? — рычит, прожигая того взглядом.

— Да н-нет, просто лицо показалось знакомым... — мямлит служитель и пятится к стене.

— Стаут? — бросает Джустиис, а в голосе явный намек: “Я могу разобраться с ним за одно мгновение, но могу позволить это сделать тебе самой”.

— Не припомню вас, — неуверенно говорю я, всматриваясь в бледное лицо. — Думаю, мне было бы проще, если бы вы рассказали, при каких обстоятельствах мы, по вашему мнению, встретились, — я немного повышаю тон в конце, намекая на эксцесс с мародерством.

Ну давай же, скажи: “Когда я снимал драгоценности с тру-

пов, а ты восстала из мертвых”.

В глазах мародеришки вспыхивает ужас.

— Теперь я чётко вижу, что обознался, госпожа... — бормочет он. — Прошу прощения...

Он убегает вперед. Прозекуре идет следом за ним.

— Спасибо, — произношу тихо ему в спину.

Прокурор оборачивается, мажет по мне снисходительным взглядом.

— Во-первых, мне нужно, чтобы ты внимательно изучала документы и не отвлекалась, а этот индивид явно нервировал тебя. Во-вторых, ты и сама прекрасно справилась, — бросает он.

Мы еще минут пять поднимаемся по винтовой лестнице на самый верх Северной башни. Мой начальник нагоняет на незадачливого мародеришку столько жути, что тот даже глаз не поднимает, пропуская нас в выделенную Кандеросом комнату. Лишь вжимается в стену и крупно дрожит.

Мы проходим внутрь. Это не совсем комната, скорее, индивидуальная камера. Унылый каменный мешок с заложенными окнами и минимумом мебели. Обстановка убогая: кровать, стол и два стула, в углу камин. Меня сразу сковывает ледяной воздух. Я быстро промерзаю до костей. Ох, недаром эта башня называется Северной.

— Принеси еды, подготовь жаровню с чайником и всё необходимое для заваривания чая, — приказывает Прозекуре служителю, и тот бесшумно убегает выполнять распоря-

жение.

Услышав слово “еда” я невольно выдыхаю облачко пара. Я только сейчас понимаю, что страшно голодна. Прозекуре щелкает пальцами, и в камине разгорается огонь. Белое драконье пламя. Становится теплее, но согреваюсь я медленно.

Прозекуре отщипывает от драконьего пламени кусочек и закручивает между рук светящийся шар. Вскоре комнату освещает яркая люмосфера. Я видела такие только в самых богатых домах.

Мы кладем папки на стол и садимся на стулья. Перебираем их. В каждой собраны документы, характеристики и свидетельские показания по одному из Бишопов. Весь жизненный путь отражен в стопке бумаг.

— Ты же всех их знала, так? — не отрываясь от бумаг уточняет Прозекуре. — Если найдешь несостыковки, сообщай.

— Так точно, — бодро рапортую я, а у самой душу заволакивает ледяным облаком: я же никого из них в жизни не встречала. Всё, что мне известно, — это рассказы Якубы и сплетни из светской хроники.

Но этого оказывается вполне достаточно. Я обнаруживаю, что Якуба успела довольно много мне рассказать. А светская хроника отлично бьется со всем, что содержится в папках.

Первым делом я погружаюсь в изучение документов по тёте Аксаны Офелии. Это та, которую Прозекуре бросил за неделю до свадьбы.

Если вдуматься, то получается, что я рассматриваю дело своей покойной тёти, которую бросил мой начальник. Который сидит тут же и с невозмутимым видом рассматривает документы по несостоявшимся тёще и тестю, которых казнили из-за того, что они убили его жену... Индийское кино и то менее запутанное!

Однако бумаги проясняют, почему Прозекуре бросил Офелию. На его месте я бы тоже так поступила. Я ненавижу изменщиков. С такими у меня разговор короткий: ни слова больше. Что же, тётушка Офелия, оказывается, была весьма ветренная особа.

А судя по тому, что она почти не таясь замутила роман под носом у могущественного жениха, который всем известен своей недоверчивостью, она была еще и весьма недалекая.

Выходит, он вовсе не мерзавец и не подлец, который бросает невест у алтаря... Почему-то от этого на душе становится легче и светлее.

В какой-то момент на столе оказывается блюдо с мясной нарезкой и печеным картофелем, рядом с камином пытит на жаровне чайник. Прозекуре пьет чай литрами. Я не отстаю. Едим не отрываясь от дел.

Всю ночь проводим в башне почти в полном молчании, перебрасываемся короткими фразами, лишь когда передаем друг другу изученные папки.

Наконец, когда у меня всё тело ноет от долгого сидения,

а глаза слипаются, Прозекуре откидывается на спинку стула, та жалобно скрипит. Он закидывает руки за голову и задумчиво изрекает:

— Ни единой зацепки...

— Кроме паспорта Аксы, — напоминаю я.

— И что это может значить, по-твоему? — он с прищуром смотрит на меня и действительно ждет ответа.

У меня есть предположение, но сначала надо разобраться с мучающим меня вопросом. Наверное, мне не по статусу его задавать, но если я не узнаю ответ, не смогу думать. Да и повторюсь: мне важно работать на человека (пусть даже дракона), лишь бы не на подлеца. Я хожу по тонкой грани, спрашивая, и отлично это осознаю:

— Сначала, господин Прозекуре, я попрошу вас объяснить, что мы тут делаем. В смысле, неужели вы действительно не знали, что всех Бишопов казнили? У нас в деревне все уверены, что именно по вашему распоряжению казнили госпожу Аксану. И что вы устроили так, чтобы ее признали совершеннолетней.

Встречаюсь взглядом с Прозекуре и физически ощущаю от него волну гнева. Янтарные глаза темнеют, и через мгновение на меня смотрит сама тьма. Воздух в комнате становится горячим, а чай в чашке Прозекуре вскипает.

Я никогда не боялась начальников. В молодости — потому что была еще глупая. В более зрелом возрасте — потому что выросла в профессионала и не давала поводов повышать на себя голос. И не позволяла этого делать.

Но Прозекуре меня пугает. Его гнев материален. И черт-ведать он не лишением премии, взысканием или увольнением — мне даже понижение в должности не грозит! Он просто испепелит меня на месте!

И ничего ему за это не будет... В Эльдратории чешуйчатым позволено гораздо больше, чем простым людям. А уж что о высокопоставленным драконам и подавно.

В общем, сердце от страха проваливается в желудок и отчаянно бьется там в поисках выхода. Но я сижу с прямой спиной и не отвожу взгляда от бездонных потемневших глаз. Наш зрительный поединок затягивается. Пульс барабанит в висках, кулаки сами сжимаются под столом.

— Ты много на себя берешь, Стаут... — чеканит Прозекуре. Атмосфера в комнате накалена до предела, и его ледяной тон не снижает градуса напряжения, а наоборот, только взвинчивает его.

— Я просто хочу понять, — произношу хрипло, мне становится трудно дышать.

— Ты знаешь, что сделали твои бывшие хозяева? — цедит

дракон, и по его лбу пробегает рябь чешуек.

— Я знаю только, в чем их обвинили, — отвечаю низким голосом на пределе слышимости. — И если вы спросите меня...

— Я спросил твое мнение по совершенно другому делу! — обрывая меня Прозекуре опасным рыком.

— Так точно, господин прокурор, — я тянусь к воротнику и расстегиваю верхнюю пуговицу. В комнате душно. — Я считаю, что кто-то целенаправленно уничтожил семью Бишопов, для чего совершил подлог на уровне нотариуса. Паспорт Аксаны с неверной датой рождения — не подделка, и он каким-то образом оказался в ее папке.

Последние слова я сиплю в полуобморочном состоянии, легкие горят, а в глазах темнеет. Дышать всё сложнее. Прозекуре, кажется, сам того не осознавая, в своем гневе выжиг кислород в закрытой комнате...

Но вдруг всё заканчивается. Прокурор вздрагивает, щелчком пальцев гасит пламя в очаге, и кислород с ревом наполняет комнату, гудит в каминной трубе. Становится свежо и зябко. Прокурор несколько секунд с тревогой вглядывается в мое лицо, пока я судорожно хватаю ртом воздух. Потом едва заметно выдыхает.

— Мы закончили, Стаут, — холодно произносит, поднимается и идет к выходу.

Покидаем Северную башню, возвращаем папки Кандеросу. Прозекуре неизменно предупредителен: все материалы

несет сам, придерживает двери, подставляет локоть на крутых ступенях. Но при этом не произносит ни слова, а я не стремлюсь вызвать его на разговор.

Выходим на залитый рассветным солнцем двор. Стоит мне устроиться на спине дракона, как вся моя бодрость улетучивается, и я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь резко. Открываю глаза и не понимаю, где нахожусь. Я на не расстеленной кровати в своем платье, накрыта покрывалом. Осматриваю просторную светлую комнату. В щель между плотными шторами пробивается солнце.

Я поднимаюсь, подхожу к окну и раздвигаю шторы. В комнату врывается свет. Он заливает оливковые обои. Пляшет на дверцах высокого двухстворчатого шкафа из темного дерева, облизывает комод на четыре ящика из того же гарнитура. Свет отражается в трюмо и прячется в густом ковре под ногами.

У дальней от входа стены камин, над ним портрет темно-волосого рыцаря в парадных доспехах. С огненно-янтарными глазами. У изображенного мужчины прослеживаются те же фамильные черты, что и у одного знакомого мне прокурора-деспота.

На стуле перед трюмо моя корзина. Не надо быть следователем, чтобы понять, у кого я в гостях.

Нахожу взглядом стоптанные ботинки, которые аккуратно стоят у кровати и блестят после полировки. Значит, у Прозекуре есть прислуга. Вряд ли господин начальник сам на-

драйвал мою обувь.

Комната содержится в порядке, но жилой не выглядит. Значит, она предназначена для гостей. Я пока не понимаю, на каких я правах в ней, поэтому корзину оставляю там же, где та и стояла.

Выжав из увиденного максимум, обуваюсь и выхожу из комнаты. И тут же выщепливаю из воздуха аромат жареного лука. Иду на него, словно плыву над землей.

Я на втором этаже старинного богатого особняка. Он ухоженный, но довольно мрачный. Сразу чувствуется отсутствие женской руки: слишком всё аскетично.

Спускаюсь по дубовой лестнице на первый этаж и оказываюсь в холле. Тут просторно, уныло и полутемно. На стенах лишь портреты предков. Все темноволосые, янтарноглазые и с характерным суровым выражением лица, даже дети.

Запах ведет меня на светлую кухню. Цветы на подоконниках, зелень в горшочках, милые картины на стенах, радостные теплые цвета — сразу видно, что тут у прокурора нет власти.

Над чугунной плитой возвышается худой седой мужчина в старомодном голубом камзоле и белом фартуке. В этот миг мой желудок издает вой кита, и домоправитель (я уверена, что в доме больше нет прислуги, и этот старик тут и за дворецкого, и за повара, и за горничную) поднимает на меня бледно-голубые глаза.

— Госпожа Стаут! — приветливо шелестит он. — Вы как

раз вовремя. Садитесь, — он указывает лопаткой на стол у стены. — Ваш обед.

Передо мной на стол опускается тарелка с яичницей, жареным беконом, карамелизированным луком и тушеными бобами. И два подсушенных ломтика ржаного хлеба.

— Спасибо, — улыбаюсь и беру вилку.

— Я Фриц, — представляется старик. — Господин скоро вернется.

Я поглощаю яичницу со скоростью голодной кошки. Тарелка пустеет на глазах. За время пребывания в Эльдратории это самое вкусное, что я ела.

Когда я заканчиваю, слышен стук двери.

— А вот и хозяин! — улыбается Фриц.

— Стаут, ко мне в кабинет! — сквозь стены доносится раздраженный рык Прозекуре.

— Второй этаж. Дверь сразу напротив лестницы, — кивает Фриц.

Я благодарю, вскакиваю, допиваю сок, едва не расплескав на себя, и несусь в кабинет. Он практически ничем не отличается от того, который находится в прокуратуре. Только парадных доспехов и оружия немного больше.

Прозекуре сидит за столом. Поднимает на меня горящие взгляд.

— Сядь Стаут, — пригвождает меня словами к стулу. — Пожалуй, я готов ответить на твой вопрос.

Я опускаюсь на стул и сижу с прямой спиной, как на экзамене. Прозекуре с непроницаемым лицом сидит напротив. Некоторое время молчит.

— То, что произошло вчера в башне... Моя вспышка... — наконец начинает он, роняя слова, как тяжелые валуны. — Как видишь, даже спустя несколько месяцев после трагедии я готов убивать.

Он очень буднично произносит последнее слово. А мне от воспоминаний об огненном удушении становится жутко.

— А теперь представь, что бы я сделал с вашей деревенькой Хечгехо тогда, сразу после произошедшего. Поверь, парой выжженных домов не обошлось бы...

Он замолкает. Смотрит на меня без попыток оправдаться, извиниться — просто констатирует факт.

Тишина гнетущая. В воображении картинка калифорнийских и австралийских пожаров, когда стихия оставляет после себя сожженную дотла пустыню. Я уверена: так и было бы. По спине стекает струйка пота.

— Поэтому руководство, хорошо оценивая мои разрушительные способности, на время следствия отправило меня в Драконарис.

— Так вы не отдавали приказ... — вырывается у меня.

— Я вернулся в Хауптдрахт в тот вечер, когда встретил

тебя на дороге.

— Получается, вы действительно могли не знать о казни Аксаны Бишоп...

— Я и не знал о ней, — рычит Прозекуре. — Более того, мне она была не выгодна. У меня были планы на девчонку.

Вот это откровение!

— К-какие планы? — выдавливаю я и невольно ёжусь.

— Транслюминаровая шахта... — Прозекуре снова проносит это непонятное название. — В курсе ли ты, что это за кристаллы?

Качаю головой.

— Они имеют двойственную природу. С одной стороны — позволяют метаморфелям дольше быть в личине человека. С другой — оружие из транслюминарового камня наносит тварям больший урон. Во всей Эльдратории лишь семья Бишопов имела связь с этими красными кристаллами. Только они получили от Хозяина Недр право добывать их.

Интересно, ключ у меня на шее — это ключ от шахты?

— Раньше транслюминары считались просто красивой безделицей, — продолжает ликбез Прозекуре, — но полвека назад, когда Эльдраторию наводнили метаморфели, значимость камней взлетела до небес. К тому же недавно инженер Кули изобрел способ вычислять этих тварей с помощью транслюминаровых окуляр.

Вот оно что... Про метаморфелей и их нашествие я читала в библиотеке. Метаморфели сильны и коварны. Они могут

принимать облик любого живого существа. Правда, удерживают его недолго. Но с транслюминарами, значит, это время увеличивается.

— Так вот за счет чего Бишопы сколотили состояние...
— бормочу я.

— А потом обнаглели настолько, что стали выкатывать свои условия императору и его наместникам. Потому что только у Бишопов был ход в транслюминаровую шахту. Эти жалкие людишки шантажировали нас, драконов, тем, — рык Прозекуре становится ниже и опаснее, — что начнут поставлять камни метаморфелям.

— И вы хотели заполучить Аксану, чтобы иметь доступ к камням? — догадываюсь я.

— Как только я получил письмо, что виновные найдены и это Бишопы, — выдохнул облачко дыма Прозекуре, — я сразу решил, что женюсь на Аксане. Я бы смог обеспечить империю транслюминарами на годы вперед.

— И заодно отыгаться на Аксане за всех Бишопов? — поднимаю бровь я.

— Ты моя помощница, а не голос совести, — отрезает мрачно Прозекуре, полыхнув глазами. — Мне нужен твой разум и профессиональное мнение. Остальное держи при себе.

Мне снова становится душно, а сердце начинает бешено колотиться. Ну я и попала! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Прозекуре меня раскрыл. Если он вчера слу-

чайно едва не выжег мне легкие, что же он будет творить не случайно?

— Я вас поняла, господин Прозекуре, — выдавливаю я.
— Какие-то распоряжения?

— Да. Готовься к беседе с нотариусом, который сделал Аксане неверный паспорт. Как ты теперь понимаешь, дело гибели Бишопов становится особо важным, и я лично за него берусь. Выходим через полчаса.

Я поднимаюсь, берусь за спинку стула и замечаю, как дрожат пальцы.

— Буду готова, господин прокурор, — иду к выходу.

— Сначала возьми это!

Я оборачиваюсь и на инстинктах ловлю большой бумажный сверток. Он мягкий и тяжелый.

— Там обмундирование, — отвечает на мой вопросительный взгляд Прозекуре. — И вещи первой необходимости.

Я возвращаюсь в комнату, в которой оставила корзину, и кладу сверток на кровать. Быстро распаковываю и вытаскиваю черное строгое платье с воротником-стойкой. Корсаж застегивается на пуговицы, как на форме Прозекуре.

Ткань плотная и при этом мягкая. Это не простое сукно — какая-то мне незнакомая материя. Приятная к телу, но довольно прочная. Прозекуре действительно любит неброские, но качественные вещи. И к выбору моего обмундирования применил привычный подход.

Кроме платья, в свертке лежат еще несколько пакетов по-

меньше. Разворачиваю их и нахожу добротную и при этом красивую обувь.

А вот содержимое остальных свертков меня вгоняет в краску. Там чулки и белье. Причем не какие-то панталонны-паруса, какие раздобыла Якуба и какие потом приобрела я.

Нет. У меня в руках изящные шелковые шортики и струящаяся майка, поясок для подвязывания нежных полупрозрачных чулок прилагается. Этого добра несколько наборов. Всё это безумно непрактично, но при этом невероятно красиво и изящно.

Вот только, кажется, это не входит в понятие обмундирование...

Меня разрывает между желанием надеть шелковое белье, которое в летний зной приятно холодит кожу, особенно в черном платье, и чувством собственного достоинства.

И всё же я сдаюсь. Выбираю шелк. Через полчаса мы с Прозекуре встречаемся у входной двери. Он окидывает меня критическим взглядом и одобрительно хмыкает.

— Спасибо за... обмундирование, — краснея произношу я.

— Мне нужны твои мозги, — открывая дверь, произносит начальник, даже не поворачиваясь ко мне. — К сожалению, к ним прилагается тело, за которым нужен нормальный уход, чтобы мозги функционировали. Так что не обольщайся. Я забочусь лишь о своем комфорте.

Мы направляемся к конторе нотариуса семьи Бишопов. Она расположена на первом этаже его особняка. Стучим. Нам открывает женщина с красными глазами и опухшим от слез лицом.

— Мы пришли побеседовать с нотариусом Джонсом, — деловым тоном сообщает Прозекуре.

У женщины начинают трястись губы, она вытирает лицо платком.

— Боюсь, это невозможно, господа, — она всхлипывает и с трудом сдерживаясь продолжает: — Господин Джонсон умер.

Мы с Прозекуре пару секунд смотрим друг на друга, переваривая услышанное.

— Ах, как интересно, — тянет наконец начальник и поворачивается к женщине. — Мы из прокуратуры, пропустите нас.

— Но... — всхлипывает та. — Из прокуратуры уже пришли... Они там, в кабинете.

— Всё интереснее и интереснее, — тихо произносит Прозекуре. — На простую смерть дознавателей не вызывают.

— Так это не простая смерть... — вновь всхлипывает женщина. — Хозяин... того... сам.

Прозекуре бесцеремонно отодвигает женщину и неумолимо вторгается в холл. Служанка замирает от неожиданности и с ужасом смотрит на господина Джустиса.

— Подр-р-робности? — низко рычит он.

— В-в-вы кто? — женщина беспомощно хватается ртом за дух. — Что вам надо?

Я подлетаю к ней, потому что вижу: стоит слишком сильно надавить, и она сломается. И ничего, кроме рыданий, мы от нее не услышим.

— Тихо-тихо... — перехватываю ее взгляд, кладу руки на плечи и начинаю мягко поглаживать. — Этот господин — главный прокурор, он начальник тех, кто к вам пришел.

Прозекуре с каменным лицом демонстрирует служанке перстень, и та сразу перестает всхлипывать.

— Расскажите, что сегодня произошло, — мягко, почти с лаской, спрашиваю я.

— Рано утром, после завтрака, господин Джонсон поднялся в свой кабинет и долго оставался там, пару раз выходил взять какие-то книги из библиотеки, кажется, даже бегал в контору, потому что дверь хлопала и горничная видела, как он поднимается по лестнице наверх, — начинает она, говорит уверенно, не отвлекается на то, чтобы вспомнить детали. Это признак того, что она уже несколько раз повторила историю. — Когда он не спустился с обеда, госпожа Джонсон велела мне позвать его. Я постучала, он не отозвался. Я открыла дверь и...

Тут она ломается. Губы дрожат, дыхание прерывается истеричными всхлипами.

Я поглаживаю ее по спине, тихо бормочу какие-то успокаивающие слова. Женщина сморкается, потом пытается вытереть слезы мокрым насквозь платком. Прозекуре прожигает нас взглядом и протягивает служанке сухой платок.

Служанка успокаивается, собирается с мыслями и продолжает:

— Он лежал лицом на столе, руки были на столе. Я подумала, что ему плохо, подбежала и попыталась его поднять. Попыталась повернуть голову, но шея была... твердая, будто напряжённая... Тогда я откинула его и... Праотец-дракон! Я

никогда не забуду это лицо!

Она начинает мелко дрожать. Я слегка встряхиваю женщину и твердым голосом внушаю:

— Мне очень жаль, что вы увидели это. Но если вы хотите помочь разобраться в гибели хозяина, вы должны нам рассказать всё здесь и сейчас. Нельзя терять ни секунды.

Бедная женщина поднимает на меня красные глаза. Смотрит и часто дышит. Но потом все же справляется с волной слез, делает глубокий вдох, выдох и продолжает рассказ:

— Его вены. Они были почти черные и очень четко проступали под кожей. На лице застыла гримаса боли. Зубы стиснуты, губы словно сведены судорогой, глаза открыты. Взгляд стеклянный. Сосуды в глазах полопались.

— Яд гидры... — задумчиво кивает Прозекуре. — В малых дозах — лекарство от болезни сердца. В больших — страшнейшая отравка.

— У хозяина были запасы этого лекарства, — кивает служанка. — Ему прописал целитель.

Я отпускаю женщину. Она вытирает глаза платком Прозекуре.

— А с чего вы взяли, что Джонсон сам это сделал? — вкрадчиво рокошет прокурор.

И тут сверху доносится голос Уолтера Штаата:

— Господин Прозекуре! Да тут и думать нечего. Чужих в доме не видели. Шприц с лекарством, которого у покойного было с избытком, лежит на полу под его рукой. Мы тут сей-

час быстро все оформим и освободимся.

— Я все же поднимусь, Уолтер, — раздувает ноздри Прозекуре и показывает мне полыхнувшими глазами, чтобы я следовала за ним.

Мы проходим в кабинет. На стуле тело нотариуса, откинута в неестественной позе. Каким он был при жизни — непонятно, лицо застыло в маске страдания. На Джонсоне сорочка и жилет. Левый рукав закатан до середины плеча, на руке язва, от нее расходятся вздутые, черные, будто обугленные вены. Справа от него на полу валяется шприц. Прозекуре кидает мне тихо:

— Осмотрись, — и направляется к Уолтеру и стражнику, которые стоят у окна.

Я прохожусь по кабинету и осматриваю стол. Чернильный набор слева от Джонсона, рядом с чернилами на столешнице кофейные круги от чашек.

— Нет никакого сомнения, — докладывает самодовольным тоном Уолтер, — что это самоубийство. За полчаса до обеда Джонсона видели в конторе, он забрал какие-то бумаги. Потом, видимо, вернулся и... того....

Прозекуре подносит руку к переносице, устало закрывает глаза и с безнадегой выдыхает:

— И откуда ты, такой умный, взялся на мою голову?... — качает головой, а потом вдруг рывкает: — Стаут! В чем он не прав?

Я вздрагиваю и поворачиваюсь к мужчинам. Сцепляю ру-

ки за спиной и тихо отвечаю:

— Во всем, господин прокурор...

— Подр-р-робности! — утробно рычит Прозекуре и выдыхает облачко дыма в лицо Уолтеру.

Тот кашляет. Жду, когда закончит, и рассказываю:

— Начнем с того, что шприц лежит справа.

— И? — рычит Прозекуре.

— А Джонсон был левшой. На это указывает то, что все его приборы стоят слева, даже чашку он ставил слева, о чем говорят следы кофе. Очень неудобно делать себе смертельный укол не той рукой.

— Дальше... — рычит Прозекуре и буравит бледнеющего Уолтера глазами.

— Шприц не мог выпасть из рук, которые сначала лежали на столе. Мы знаем, что служанка переместила тело, когда бросилась на помощь хозяину.

— Дальше, — кивает Прозекуре.

— И, наконец, его шея совершенно одеревенела.

— Поясни господину Уолтеру, что это значит, — требует прокурор.

— Это значит, что господин Джонсон умер не менее шести часов назад. Примерно сразу после завтрака.

— Правильно, Стаут, — кивает Прозекуре. Затем он вплотную подходит к Уолтеру, нависает над ним и вколачивает его словами в пол: — Беги в прокуратуру, Уолт, и передай Фискалию, что тут нужен нормальный следователь. С

мозгами, а не кашей вместо них!

Уолтера словно ветром сдувает. Пробегая мимо меня, он злобно шипит:

— Безродная дрянь, — затем толкает меня плечом, как бы случайно, и хлопает дверью.

Отлично! Теперь у меня есть враг. Только этого мне не хватало. Но я продолжаю смиренно стоять и ждать распоряжений от начальника. Он в это время отвлекается на стражника и не видит подлжки от Уолта.

— Выйди и никого не впускай в кабинет, — приказывает стражнику Прозекуре.

Когда тот покидает комнату, начальник поворачивается ко мне. Его янтарные глаза горят слишком явным интересом. Он подходит ко мне. Я ощущаю исходящий от него жар, и сердце отчего-то начинает разгоняться.

— Раз ты такая умная, — рокочет он. — Выдай правдоподобную версию убийства. У тебя три секунды на подготовку.

Я стою всё так же со сложенными за спиной руками. Такая близость начальника спутывает все мысли. Наверное, всё дело именно в том, что он дракон и я боюсь его гнева. Но на задворках сознания я понимаю, что вру сама себе. Только пока не понимаю, в чем.

— Время вышло, Стаут, — Прозекуре нависает надо мной и сверлит, а точнее, прожигает меня взглядом.

— Думаю, — сиплю внезапно севшим голосом, — что если вы наденете транслюминаровые окуляры, вы найдете повсюду следы убийцы.

Прозекуре не отводя взгляда извлекает из нагрудного кармана футляр и достает очки. Они снова на мгновение вспыхивают красноватым, но Прозекуре этого, кажется, не замечает. Он медленно подносит их к лицу.

— Сейчас мы проверим твою версию, — улыбается уголком рта. — И если ты не права...

— Съедите? — приподнимаю брови я.

Глаза прокурора плотоядно вспыхивают.

— Пора бы запомнить, что драконы не питаются девицами, Стаут, — бросает он, надевает очки и начинает осматриваться.

— И что они с ними делают, господин начальник? — какой-то чертенок так и подзуживает меня вести этот бессмыс-

ленный и совершенно не относящийся к делу диалог.

— Они делают им драконят, Стаут, — доносится из дальнего угла, где Прозекуре внимательно изучает книжный шкаф. Я чувствую, как щеки вспыхивают. — Но я просто лишу тебя... премии... А нет, не лишу... Подойди!

Я подчиняюсь, мечтая лишь о том, чтобы через красноватые транслюминаровые окуляры мои алые щеки были не так заметны. Подхожу к начальнику. Он берет меня за плечи и разворачивает лицом к кабинету. Из этой точки комната как на ладони.

Затем чувствую, как мне на глаза опускаются очки. Я ощущаю от них легкую теплую вибрацию, будто они обрадовались старому знакомому. Прозекуре осторожно надевает мне дужки на уши, случайно коснувшись горячей щеки.

От места касания разбегаются мелкие мурашки.

— А теперь смотри... — выдыхает мне в затылок прокурор и кладет руки на плечи.

И я вижу. Больше всего это напоминает биологические следы после обработки люминолом в освещении УФ-лампы. Там, где метаморфель ходил, трогал предметы, сидел, даже просто дышал на стекло, отчетливо видны светящиеся розовые пятна.

— Я думаю, он ждал Джонсона в кабинете под видом кого-то из домашних. Когда тот сел в кресло, — произносит Прозекуре с охотничьим азартом, — метаморфель подошел сзади...

— Вырубил Джонсона вон тем пресс-папье, — указываю на тяжеленную статуэтку с розовыми пятнами.

— Потом всадил в локоть шприц... — продолжает начальник.

— И смотрел, как Джонсон умирает, — подхватываю я. — Держал его, чтобы он не свалился, о чем говорят пятна на затылке и плече.

— Потом он спокойно просмотрел все бумаги... — комментирует Прозекуре.

— И забрал папку с той полки, там зазор, — показываю я. Мы оба подходим к стеллажу. Тут идеальный порядок. Все папки подписаны — на них фамилии клиентов — и расставлены в алфавитном порядке.

Сквозь окуляры не так хорошо видны буквы, к тому же некоторые папки убийца-метаморфель безбожно заляпал. Видимо, перебирал их.

— Барье, Банто, Бель, Бентань, Бжезини, Биркано, Бист-эд... — читает Прозекуре и останавливается над зазором.

— Бишоп... — выдыхаю я. — Он наверняка унес папку Бишопов.

— Надо спуститься в контору и узнать, что в ней было... — задумчиво произносит Прозекуре. На меня даже не смотрит, погружен в мысли.

Я снимаю окуляры и протягиваю их начальнику. Он не глядя берет и прячет в футляр.

Вдруг дверь распахивается.

— А-а-а... Так вот, куда делся наш новичок, — слышу голос Фискалио. — Добрый день, Ханна. А я надеялся, что у меня наконец появится толковый секретарь. Но вот в этом все драконы — заграбастать себе самый ценный самородок и никому не отдавать.

Он дружески хлопает Прозекуре по плечу. Тот строго отвечает:

— Стаут прирожденный сыщик, сидеть в кабинете — не для нее.

Фискалио по-доброму мне улыбается:

— Ханна — девушка. А девушкам надо сидеть в тепле и уюте.

— Стаут оказывает неоценимую помощь в допросах, — цедит Прозекуре и обдает Фискалио ледяным взглядом. — У нее цепкий глаз и острый ум.

— И щеки с ямочками, — Фискалио складывает руки на круглом животе и отвечает начальнику совершенно спокойным ясным взглядом.

Я в смятении. Совершенно не понимаю, как оценивать происходящее, поэтому просто отхожу к двери и жду возле нее. Стараюсь абстрагироваться от того факта, что прокурор и его подчиненный обсуждают меня при мне.

— Ты на что-то намекаешь? — голосом Прозекуре можно реки замораживать.

— Лишь на то, что Ханна хрупкая девушка и драконыи нагрузки не для нее, — разводит руками Фискалио и невин-

но хлопает глазами. — Если ты ее везде собираешься с собой таскать, помни, что она смертная и уязвимая. И держи себя в руках, а то еще невзначай сожжешь девочку в гневе...

— Фискалио, — рычит Прозекуре, — к делу! Тут произошло убийство. Всё указывает на то, что преступник...

— Метаморфель, — кивает Фискалио. — Уолтер мне кратко изложил увиденное, а я сложил два и два.

— Поэтому вызови судебного мага. Пусть тщательно всё зафиксирует, — продолжает Прозекуре.

Затем он разворачивается на пятках и направляется ко мне.

— Маг уже в пути, господин прокурор, — долетают дракону в спину слова Фискалио. — Вы можете со спокойной совестью продолжить работу в поле. С Ханной.

— Идем, Стаут, — бросает, проносясь мимо меня с видом оскорбленного паровоза Прозекуре.

— Пока Ханна! — машет мне рукой Фискалио. — Когда надоест подвергать жизнь опасности, перебирайся ко мне в секретарши!

Киваю и бегу за Прозекуре. Забота Фискалио довольно милая. Он, кажется, чувствует себя обязанным опекать юную сотрудницу. Вот только меня жалит совесть: Фискалио и не догадывается, что мы с ним почти ровесники. В психологическом плане. И что я в прежней жизни видала такое, от чего прожженный дракон побледнел бы и отвернулся.

Но мысли о добром Фискалио остаются далеко позади. Я

работаю с Прокуратурой.

Чувствую, что меня ждет долгий и тяжелый день. А беседа моего начальника и Фискалий совсем не добавила бодрости, лишь внесла сумятицу в мой боевой настрой.

В конторе подтверждают, что папка содержала бумаги по семейству Бишопов.

— Вот только я не могу сказать, что там было, — блеет клерк. — Господин Джонсон сегодня заходил в контору и забрал все документы, связанные с этими клиентами.

Прозекуре молча направляется к двери. Он похож на просыпающийся вулкан. Воздух вокруг него зловеще подрагивает от сдерживаемого гнева, из носа порой вырывается облачко дыма. Окружающие понимают: вот-вот рванет! И стараются оказаться подальше.

— Пс-с-с... — останавливает нас шепот у самой двери.

Мы с Прозекуре оборачиваемся и видим старушку с шваброй в руках. Она напоминает белую курочку, такая же пушистая и безобидная на вид. Только глаза с хитринкой.

— Господин прокурор, — шепчет она, — вы меня помните?

Прозекуре из грозовой тучи моментально превращается в приветливого джентльмена. Он берет сморщенную ладонь старушки и подносит к губам.

— Как я могу забыть, Луиза? Рад видеть вас в добром здравии! — низким голосом произносит он, заглядывая бабушке в глаза.

— Это всё благодаря вам... — смущается старушка. — Я

каждый день молюсь за вас прародителям-драконам.

— Ну тогда я под надежной защитой, — рокочет начальник.

Я в полнейшем замешательстве. Прозекуре умеет не рычать? И даже умеет называть женщин по имени? И ему не чужды теплые интонации? Ощущаю легкий укол зависти вперемешку с досадой оттого, что эти рокотливые обольстительные ноты — не для меня.

— Я знаю, что было в той папке, — едва слышно говорит старушка. — Убирала в кабинете и случайно свалила ее, пришлось собирать, пока господин Джонсон не увидел.

Ее щеки трогает румянец, и я про себя хмыкаю: ну да, конечно, так всё и было! Совершенно случайно!

— Так вот, — продолжает Луиза. — Там были документы на склад Бишопов в Западной части Хауптдрахта. Я запомнила, потому что живу рядом.

— Спасибо, Луиза, вы просто прелесть! — кивает Прозекуре. — Мы немедленно пойдем туда.

— Да не торопитесь вы, юноша! — шикает старушка. — Ретивый какой... Дайте сказать! — она оглядывается и выдыхает. — Сгорел тот склад. Недели две назад. Полыхал красным так, что читать можно было при его свете. Остался лишь домик сторожа. А сам сторож помер пару дней тому. Одиноким был, дозу сердечных капель не рассчитал...

— Луиза, вы само очарование, — Прозекуре снова целует ей руку и холодным тоном бросает мне: — Идем, Стаут!

Может, и мне состариться? Тогда есть надежда хоть на какое-то человеческое отношение со стороны этого... Этого... Так и не придумав, каким эпитетом наградить начальника, пускаюсь за ним.

Идти за драконом по улицам, когда все встречные разбегаются и жмутся к стенам, уступая дорогу, — сплошное удовольствие. Было бы, если бы Прозекуре не несли так, что мне приходилось постоянно переходить на бег.

Когда мы добираемся до пожарища, я тяжело дышу, словно после марафона. Дракону же хоть бы хны. У сторожки, аккуратного симпатичного домика, стоит пара просто одетых мужиков. Они беседуют и периодически скорбно качают головами.

Прозекуре проходит мимо них и берется за ручку двери. — Эй! Позвольте! — возмущенно вскрикивает один из мужиков. — Вы по какому праву туда ломитесь?

Прозекуре и ухом не ведет. Он дергает ручку, но дверь закрыта.

— Мы будем звать стражников! — вскрикивает второй мужичок. — Пусть вас сдадут в прокуратуру! Дознаватели быстро из вас дурь выбьют!

— Тише, господа. Дознаватели уже здесь, — успокаиваю я разошедшихся ротозеев, а Прозекуре не глядя на них демонстрирует перстень. — Вы что-то знаете о стороже и его смерти?

Мужики резко замолкают, переглядываются и делают по-

пытку покинуть площадку у сторожки.

— Стоять! — рявкает Прозекуре.

И мужики словно прирастают к месту. В глазах плещется паника. Мой начальник отходит от двери, останавливается напротив свидетелей.

— Итак, повторяю вопрос: что вы знаете о местном стороже и его смерти? — рычит он.

— Г-г-господин прокурор... — мямлит один из них. — Мы к Петеру порой наведывались. Дегустировали наливки. Кто ж знал, что у него сердце больное? Ежели бы мы знали, так на простоквашу перешли бы...

— Вы видели, как горел склад?

— Д-да, — отвечает второй. — Мы как раз у Петра сидели. Он услышал треск, в окна полыхнуло красным. Петер вышел, а потом вернулся и сказал: “Склад горит”.

— Что он потом сделал? — вцепляется в него взглядом Прозекуре.

— Да ничего! Поохал, походил вокруг склада, потом мы с ним смотрели, как склад затушить пытаются. А потом, под утро, разошлись по домам.

— Оставайтесь на месте, — приказывает Прозекуре, возвращается ко входу и плечом надавливает на дверь. Та с треском распаивается. — Стаут! За мной, — командует Прозекуре и скрывается в сторожке.

Я тенью ныряю следом.

Обстановка в домике сторожа очень скромная. Тут чи-

стота и порядок. Правда, только на видном месте. Полки в дальнем стеллаже покрыты толстым слоем пыли. На одной из них, из-за запыленных и покрытых паутиной пустых бутылок от наливок, выглядывает склянка с этикеткой “Слез гидры”.

— Что-то нашла? — доносится со спины голос Прозекуре, который осматривает сундук у стены.

— Да. Яд гидры. Кажется, в форме лекарства, — отвечаю я. — Только вряд ли склянка принадлежит сторожу.

— С чего ты взяла?

— Тут всё покрыто пылью. Кроме этой склянки. И стоит она на пыльной полке. В общем, мое мнение, что ее просто поставили сюда, чтобы оправдать отравление.

— То есть ты считаешь, что никакой болезни сердца у Пестера не было?

— Не знаю насчет болезни. Но склянку с лекарством сюда подложили.

— Согласен, — доносится гулкий голос Прозекуре. — А я считаю, что и сердце у него было здоровое. Посмотри на это!

Я ничего не подозревая подхожу к сундуку, возле которого с мрачной ухмылкой стоит начальник. Заглядываю внутрь и тут же отвожу глаза. Сундук набит женскими панталончиками и трусиками. Всех размеров и цветов. Я резко отворачиваюсь. Поздно. Чувствую, как лицо начинает гореть.

— С больным сердцем столько не собираешься, — резюмирует Прозекуре, в голосе улавливаю тонкий намек на иро-

нию.

Это он над моим смущением подтрунивает? Или над ситуацией?

— Может, он просто фетишист был и крал белье? — предполагаю я, стараясь не встречаться с Прозекуре взглядом.

— А это мы узнаем у... мадам Паради... — произносит как ни в чем не бывало прокурор, и мне в руки ложится коробочка с выведенным золотыми буквами именем.

Внутри шелковая комбинация: расшитые кружевами и жемчужинами трусики и очень откровенная маечка с ажурными вставками. Такой комплект явно не для сна. А еще он выглядит безумно дорого для простого сторожа.

— Ну что, Стаут, — будничным тоном спрашивает Прозекуре, — готова стать моей любовницей?

Я застываю на месте с этой злосчастной коробочкой в руках и в изумлении смотрю в горящие глаза начальника. Язык прилипает к нёбу. Слова застревают в горле.

Прозекуре ведь шутит?

Но прежде, чем я успеваю задать этот вопрос, Прозекуре садится на корточки, кладет руки на пол и устанавливает в домишке мерцающий голубым купол с рунами по краю, как тогда в кустах сирени.

Затем бодро поднимается, выхватывает у меня из задеревенелых рук коробочку и зажимает ее под мышкой. Второй рукой берет меня за локоть и выводит из сторожки. Держит крепко — не вырвешься. Я совершенно сбита с толку, поэтому послушно бреду за Прозекуре.

— Легенда простая, — тихо произносит он мне на самое ухо, обжигая его горячим дыханием. — Ты моя очень послушная и совершенно безотказная помощница...

Кажется, я понимаю, что он имеет в виду. Догадка приносит недолгое облегчение. Но через мгновение, осознав, что придется делать, я невольно напрягаюсь.

Два мужичка так и стоят перед домиком. Прозекуре бросает им:

— Ждите тут. С вами еще побеседуют, — и уводит меня прочь.

Одно дело — бежать за Прозекуре по улочкам в ускоренном темпе. И совсем другое — шагать рядом с ним. Мы хоть и несемся вперед, но теперь я не выбиваюсь из сил. Мы просто стремительно скользим над брусчаткой почти не касаясь

ее.

Складской район оказывается позади. Немного попетляв незнакомыми мне переулками и двориками, мы выходим на бульвар с роскошными магазинами и лавками. Его я знаю: часто доставляла сюда почту.

Наконец мы останавливаемся в десяти шагах от красочной витрины. И я вспоминаю, кто такая мадам Паради. Это портниха для богатых. Нет, не так... Для баснословно богатых.

У нее в витрине не манекены, а живые модели, причем каждый день разные. Тут клиенткам во время ожидания подают золотой нектар. Я его не пила, только запах пару раз улавливала. И его лимонно-медовый аромат с острыми нотами пряностей кружит голову.

Прозекуре поворачивает меня лицом к себе, окидывает критическим взглядом. Вдруг кладет руку мне за голову и тянет, и я ощущаю, как затылку становится легко и свободно. Начальник прячет под плащ заколку, которую только что вынул из моей строгой прически, и принимается взбивать мне распушенные волосы. Смотрит сосредоточенно. Я от неожиданности замираю и боюсь пошевелиться.

Потом его руки перемещаются к моему высокому строгому воротнику. Пуговицы легко поддаются его сильным пальцам. Одна... Вторая... Он не ограничивается воротником и расстегивает платье до груди.

Когда он случайно касается обнаженной кожи, я мечтаю

лишь, чтобы он не почувствовал, как безумно колотится моё сердце.

Еще раз окинув меня оценивающим взглядом, он кивает и говорит:

— Сойдет. А теперь за дело. Не выходи из роли!

Он приобнимает меня за талию и подталкивает к магазину мадам Паради. Его походка кардинально меняется. Теперь он двигается вальяжно, с ленцой, по-хозяйски. Я подстраиваюсь под этот темп и настрой. Подумав мгновение, начинаю идти, плавно покачивая бедрами.

Всё бы хорошо, но рука начальника со спины бесстыдно сползает ниже. Держится на грани приличия. А у меня мурашки по всему телу от этого. Сосредоточиться решительно невозможно.

Прозекуре кидает на меня горячий взгляд, наклоняется и шепчет:

— Расслабься, Стаут, иначе номер не пройдет.

Затем толкает дверь. Колокольчик звенит. Мы входим в мастерскую. В просторном холле на мягких оттоманках сидят клиенты. Тут самая изысканная публика. Похоже, все они уже просто ждут своих заказов, наслаждаясь роскошью, подобострастием персонала и сладким нектаром.

К нам сразу бросается женщина в причудливом платье.

— Приветствую вас! — заливается она соловьем. — Располагайтесь. Чем могу помочь?

Мы в этой цитадели роскоши смотримся как два черных

ворона в клетке с фазанами. Прозекуре не считает нужным поздороваться. Начинает сразу с запроса:

— Мне надо подобрать упаковку для этого сладкого подарочка, — он ставит меня перед собой и заставляет крутаться вокруг своей оси. — Ну-ка, Ханни, повертись.

Какой у него голос! Мягкий рокочущий баритон, от которого щекочет в животе. Я даю добро глупой мечтательной улыбке, которую сдерживала последние несколько минут. Жеманно кружусь с видом избалованной кокеотки.

— У вас прекрасный вкус! Чем порадовать вашу спутницу? Платье? Мантио? Жакет? — поет продавщица.

— О нет-нет-нет, — качает головой Джустис и с придыханием говорит: — Мне для этой кошечки надо нечто особое. Такое, чего не должны видеть посторонние мужчины. Только я, — и он отвешивает мне звучный шлепок пониже спины.

Даже юбки не спасают. Я вскрикиваю от неожиданности и возмущения. Ах вот так, господин начальник? Ну я вам потом выскажу! А пока... Надо оставаться в образе. Хлопаю его по плечу:

— Ну Джуси! Не на людях же...

На нас начинают с неодобрением поглядывать ожидающие заказов клиенты.

Прозекуре хватает меня за руку, притягивает к себе и, сграбастав, прижимает к широкой груди. Ощущаю рельефные мускулы, словно отлитые из стали. Какой же он могучий! Держит крепко. Откидываю голову и распахнутыми удив-

ленными глазами смотрю на него.

— Не скромничай, Ханни! — Прозекуре заглядывает сверху сначала мне в глаза, потом переводит взгляд на губы, а потом скользит им ниже — в район импровизированного декольте. С жаром выдыхает: — Не могу я разве похвастаться своей юной помощницей? Пусть знают, что я еще на коне.

Умом я понимаю, что всё это — спектакль, чтобы разговорить свидетелей. Но почему я растекаюсь, словно плавленый сыр, в руках начальника? И почему пульс подскакивает до зашкаливающих значений? И зачем этот высокомерный дракон не отводит горящих глаз?

Продавщица покашливает.

— Вы хотите что-то конкретное или на наш вкус?

Прозекуре вынимает из-под мышки коробку с бельем и швыряет продавщице:

— Что-нибудь такое! Только на мою медовую тыковку.

Продавщица открывает коробочку и улыбка слетает с ее лица.

Она смотрит на содержимое коробочки несколько секунд, потом с подозрением холодно говорит:

— Это индивидуальный заказ! И вообще, откуда это у вас?

— Приятель выиграл в карты, — бросает Прозекуре, не отводя взгляда от моих приоткрытых губ. Ни на мгновение не ослабляет стальную хватку.

Продавщица качает головой:

— Боюсь, эта вещь краденая. Во избежание скандала, мы оставим ее в магазине и сами вернем нашему клиенту.

Я закатываю глаза, изображая вселенское недовольство.

— Джуси... Она не хочет мне продавать такой комплект? — капризно выпячиваю губки.

Прозекуре наклоняется слишком близко, почти касается своими губами моих, отчего по коже рассыпаются мурашки. Все чувства обостряются. Я ощущаю горячее дыхание начальника, его аромат, тепло его рук. Мои пальцы начинает покалывать словно электрическим разрядом.

— Она лишь говорит, что таких комплектов у них больше нет, — опасно мурлычет начальник. — Кажется, она держит нас за каких-то неудачников, думает, у нас нет достаточно денег...

Продавщица покрывается красными пятнами. Она при-

жимает коробочку к груди, словно отгораживаясь ею от проблемных клиентов.

— Но я хочу такой же! — капризничаю я. — Только моего размера. Этот мне велик!

— Ты получишь свои трусики, — обещает Прозекуре. Потом поднимает голову и упирается взглядом в бедную продавщицу. Низко, с угрозой говорит: — Мне говорили, это лучшее место, где есть всё для красивых женщин. Кажется, мне соврали...

На продавщицу жалко смотреть. Она бросает по сторонам встревоженные взгляды, не слышал ли кто из присутствующих этих обвинений

— Вы не понимаете! — умиротворяющим голосом говорит она. — Такого комплекта просто больше нет. У него уникальный дизайн!

Прозекуре отпускает меня, и я могу вдохнуть. Но он тут же притягивает меня за талию и прижимает к боку. Приподнимает бровь и хмыкает:

— И кто же придумал такой необычный дизайн?

— Это заказчик... И заплатил сверху, чтобы мы больше ничего подобного никому не шили. Это было его условие. Сами мы стараемся настолько не перебарщивать с жемчугом... — сообщает продавщица.

— А зря! Я хочу обернуть эту конфетку в самый блестящий фантик... — рокошет Прозекуре и проходится по моей спине горячей рукой, по коже волной разгоняется жар. — А

знаете, что. Назовите мне этого клиента, я поговорю с ним, чтобы разрешил использовать его дизайн. А потом вернусь к вам за заказом.

И снова его рука ложится несколько ниже талии. Я глупо хихикаю:

— Как ты здорово придумал, Джуси! Ты такой находчивый!

Прозекуре снова отвешивает мне смачного шлепка. Я охаю от неожиданности. Продавщица вздрагивает, а почтенная публика на оттоманках начинает перешептываться. Кто-то качает головой. Одна парочка выходит, громко обсуждая, что теперь даже в таких изысканных местах нельзя почувствовать себя в безопасности.

Продавщицу ломает. С одной стороны, она не хочет выдавать имени клиента. С другой — не желает терять клиентов и репутацию. Её надо лишь немного подтолкнуть к правильному решению.

— Ой, Джуси! — вскрикиваю я. — Посмотри, там шампусик! — и дергаюсь к журнальному столику возле опустевшей оттоманки, на котором стоит пресловутый нектар.

— Петер! — выпаливает продавщица. — Его зовут Петер. Он работает на складе красных камней! Который сгорел недавно. Если не найдете его, спросите в борделе мамыши Шале, он постоянный клиент.

Мы в обнимочку вываливается из мастерской. Стоит нам спуститься с крыльца, я отпрыгиваю от начальника, словно

кошка от огурца. Меня потряхивает, каждая клеточка в теле стоит дыбом, будто заряженная.

Прозекуре невозмутимо спрашивает ровным голосом, в котором ни намека на возбуждение и желание, которые он демонстрировал в магазине:

— Ну, какие выводы, Стаут?

Эти губы ещё минуту назад сладострастно говорили “Хан-ни”, а теперь я просто Стаут. Из золотого мёда разжалована в тёмное пиво!

— Что вы не умеете держать руки при себе! — шиплю я. — Что вы там себе позволяли?

— Всего лишь вжился в роль, — сообщает Прозекуре и протягивает мне мою заклочку. — И ты сносно держалась. Немного напряжена, но для первого раза неплохо. Этот маленький спектакль сэкономил нам уйму времени.

— Зачем он вообще был нужен? — злобно пыхчу, зажав заклочку в зубах и закручивая волосы в пучок. — Вы не могли разве прийти со своим перстнем и добиться ответов нормально?

— Мог, — коротка отвечает Прозекуре. Затем тянется к моему платью и начинает как ни в чем не бывало застегивать пуговицы. Я возмущенно шиплю, но мои руки в этот момент заняты прической. Начальник невозмутимо продолжает: — Но мадам Паради тесно общается с могущественным законником, с которым мы в контрах. Так что информацию про Петера мы бы узнали не раньше чем через три дня.

— Уберите руки, — требую у начальника. — Я сама застегнусь!

— Стаут, у нас мало времени, — со вздохом говорит Прозекуре. — Чем быстрее ты приведешь себя в порядок, тем быстрее мы будем у министра. Не пойдешь же ты к нему в том фривольном образе?

Я сдаюсь. Непрошибаемый мужчина. Прикрываю глаза и закрепляю пучок на затылке. Чувствую, что последняя пуговица застегивается у меня под подбородком.

— Зачем нам так срочно к министру? — задаю вопрос и открываю глаза.

Прозекуре так и стоит напротив, прожигая меня янтарным взглядом.

— Чтобы получить папки с делом Бишопов. А чтобы этого добиться, надо найти веский повод. А чтобы его найти, ты должна хорошенько подумать. Ну... Какие выводы из сегодняшней прогулки ты можешь сделать?

Мыслей нет. Спектакль отнял много энергии.

— Не понимаю, за что взяться и как связаны между собой события... — качаю головой.

— А если я скажу, что транслюминары горят зелёным пламенем? — сверкает глазами начальник и предвкушающе улыбается.

Разум освещает резкая вспышка осознания.

— Еще раз, Джустис, зачем тебе материалы по расследованию гибели твоей жены? — мягко произносит министр охраны и следствия провинции Хауптдрахт Треитор Гаддар.

Поздний вечер. Мы с Прозекуре сидим в его кабинете на небольшом диване за журнальным столиком. Сам Гаддар в кресле напротив нас. Прожигает моего начальника взглядом зеленых драконьих глаз.

Мысленно составляю словесный портрет хозяина особняка. Высокий, грузный, я бы сказала, одутловатый. Они с Прозекуре ровесники, даже оканчивали вместе Академию права в Драконарисе. Но Гаддар выглядит старше. Светлая короткая стрижка, красное лицо, крупный нос, толстые пальцы-сосиски.

Он любит показную роскошь. Его одежда и обстановка его кабинета нарочито богатые. Полки уставлены статуэтками, на стене вместо трофеев — портрет самого Треитора. Впрочем, картина слишком льстит модели. Настолько, что я не сразу поняла, кто изображен на портрете.

Перед нами на столике бутылка, в которой на доньшке плещется бренди, и три стакана. Мой полон. Я цежу по чуть-чуть, тогда как драконы уже осушили по три.

— Хочу понять, кто постарался убрать Аксану Бишоп, — поясняет Прозекуре.

Неужели всё начинается по пятому разу? Прозекуре уже изложил Треитору свои мысли, но тот настроен скептически или не понимает. С другой стороны, мой начальник слишком умен и, кажется, не умеет говорить просто.

Треитор вцепляется мне в лицо изумрудным взглядом.

— Может вы, очаровательная Ханна, отговорите своего начальника от этого? Уверен, случай с Аксаной — недо-разумение. Джонсон понял свою ошибку и от позора принял яд. Пожар на складе Бишопов и потеря хранящихся там трансляминаров — досадная случайность.

Говорит вежливо, а голос холодный. Я качаю головой.

— Боюсь, господин министр, опасения моего начальника справедливы.

Краем глаза смотрю на развалившегося на диване рядом со мной Прозекуре. Он мрачно гипнотизирует стакан с бренди, зажатый в руке.

— И что же вас натолкнуло на такие мысли, юное создание? — Гаддар улыбается так, словно разговаривает с трех-летним ребенком.

Замечаю, как от последних слов хозяина кабинета Прозе-куре вздрагивает и мечет в того колючий, полный неприязни взгляд.

— Трусики... — отвечаю Гаддару, тайно наслаждаясь изумлением на его лице.

— Какие трусики? — он с трудом произносит последнее слово, по-ханжески понижая голос на нем.

— Шелковые, расшитые жемчугом и украшенные ажурным кружевом. Такие трусики, — я специально повторяю это слово, чтобы Гаддару было неудобно, — не по карману многим купцам и высшим чинам, не то что простому сторожу склада. И они очень сильно отличались от других трусиков в коллекции Петера.

Замечаю, как мой начальник одобрительно ухмыляется каждый раз, как я произношу смущающее министра слово. Ровным голосом продолжаю:

— Следовательно, Петер не так давно получил очень крупную сумму денег. Как раз после того, как сгорел склад, который он охранял.

— Пожар на складе не указывает на недобросовестность Петера, — возражает Гаддар.

— Пожар на пустом складе указывает на сокрытие хищения товаров, — парирую я. — А за это Петер очень даже отвечал.

— Да с чего вы со своим твердолобым начальником решили, что там произошло хищение?! — восклицает Гаддар.

— Свидетели уверяют, что пламя было красным. А транслюминары горят зеленым. Значит, на складе в момент пожара не было транслюминаров.

— Стража их не получала. Скупщики тоже, — добавляет Прозекуре.

— Всё сходится, — пытаюсь объяснить я. — Петер позволил кому-то...

— Метаморфелям, кому же еще... — раздраженно вставляет начальник.

— ... обокрасть склад, потом устроил пожар для сокрытия улики, потом получил крупную сумму за проделанную работу, а потом...

— Весьма удачно скончался, — рычит Прозекуре и опрокидывает в себя виски.

— Как и многие другие, кто связан с этим делом и мог бы что-либо рассказать, — резюмирую я.

Гаддар молчит. Облизывает меня зеленым оценивающим взглядом.

— Уговорили, Ханна, — цедит сквозь зубы. — Вы на редкость доходчиво объясняете, — затем обращается к Прозекурое: — Завтра тебе доставят дело в прокуратуру. Официально я его заново не открываю, но вдруг ты что-то раскопаешь — обращайся. Только тихо. Если ты прав, то у нас тут заговор.

Прозекуре поднимается, я следом. Мужчины жмут друг другу руки. Гаддар ловит мою ладонь и подносит к губам.

— С удовольствием поболтал бы с вами, но меня ждёт законопроект по попаданцам. Пора ужесточить его, а то получили много прав.

Он говорит о попаданцах с такой неприязнью, будто они ему в детстве в компот плевали по три раза на дню. Но спасибо ему за важную информацию: я и не знала, что попаданцы — настолько частое явление, что для них даже законы

придумали.

— Молодец, Стаут, — тихо произносит на крыльце Прозекуре, оглядывается на темные улицы, освещенные слабыми фонарями. — Уже поздно. Идём. Проведу тебя домой, Фриц накормит тебя теплым ужином. Тебе надо отдохнуть. А у меня ещё дела.

— Спасибо, но я бы хотела успеть в библиотеку до закрытия, — торопливо говорю я.

— В библиотеку? — вскидывает бровь Прозекуре. — Моей домашней не достаточно? У меня там все уставы и кодексы за последние двести лет.

О! Я не сомневаюсь, что в его домашней библиотеке есть все законы о попаданцах. Но если я сейчас ни с того ни с сего возьмусь за их изучение, то проницательный Прозекуре обязательно все поймет. И мои не по возрасту развитые аналитические способности, и знания уголовного права, и навыки работы с документами... И как тогда отреагирует? Я не хочу проверять... Поэтому на помощь приходит маленькая безобидная ложь...

— Думаю, того, что мне надо, у вас нет, — смущённо отвечаю ему.

Мы продолжаем стоять на пустынной улице. Прозекуре слишком близко.

— И какую же книгу ты ищешь, Стаут? — рокошет он, осторожно приподнимая мое лицо за подбородок.

Не моргая смотрит мне в глаза. Во рту моментально становится сухо. Я сглатываю колющий комок.

— Лю-любовный роман, — хрипло выдавливаю я.

Губы начальника трогает едва заметная улыбка.

— Такого действительно нет, — тянет он. — Я тебя провожу до библиотеки, но подождать не смогу. Как я и говорил, у меня дела. Но до моего дома оттуда пять минут ходьбы.

Он берет меня под локоть, и мы медленно идём по вечернему Хауптдрахту. Прохожих почти нет. Над головой звёзды. Летний зной спал, и дышится полной грудью, ласковый ветер целует щеки. Но я всё равно чувствую, как они горят.

В библиотеку попадаю минут за десять до закрытия. Но я примерно знаю, где искать, поэтому вскоре покидаю здание с толстым томиком законов о посягательствах.

Мне надо пройти всего около пяти кварталов. Но неприятности приходят из первого же темного переулочка. Когда я прохожу мимо него, меня хватают цепкие руки и рывком тянут во мрак.

Я не успеваю опомниться, как меня с силой прижимают к стене. Застываю и в ужасе смотрю на нападающего. Крик застывает в горле. Это не человек. Нечто отдаленно на него похожее — открытые красные мышцы, облепляющие череп, из беззубого рта торчат острые, как у пирании, зубы.

Он сжимает руку на моем горле и приподнимает над брусчаткой. Полностью пережимает гортань. Сиплю. Стараюсь унять сердце, чтобы не гоняли кровь и не жгло кислород. И

бью ногами. Бестолку. Руками хватаюсь за запястье нападающего — тоже без кожи, тоже состоящее из красных канатов мышц. Рву его ногтями, царапаю и щипаю. Но ему все равно.

На груди у него висит на цепочке кулон из красного полупрозрачного камня. Сияет нестерпимо, режет глаза красными всполохи. Заметив это, нападающий скалится и выбулькивает с угрозой:

— Как интересно... Значит, не все Бишопы погибли. Впрочем, это ненадолго...

Перед глазами темнеет. Лишь красные всполохи жгут сетчатку. Легкие болят от невозможности вдохнуть. В ушах грохочет сердце.

И вдруг сквозь оглушительный его стук слышу утробный короткий рык, от которого леденеет кровь. Черный силуэт врезается моему мучителю в бок. Тот разжимает руку, и я падаю на твердые камни брусчатки на колени. Чудом успеваю выставить руки, чтобы не удариться о нее лицом. Стою на четвереньках.

Воздух рваными толчками входит в легкие. Я захожусь в хриплом кашле, который сотрясает всё тело. Мир сужается до нескольких булыжников перед глазами.

Сквозь кашель до меня доносятся звуки схватки. Пронзительный вой на грани ультразвука. Глухой стук. Шелест и шуршание, грубое ругательство. Россыпь мелких ударов.

Ко мне подбегает человек, садится за спиной, мягко берет за плечи и усаживает. Прижимает спиной к каменной груди.

— Дыши, Ханна. Всё позади, — слышу словно сквозь толщу воды голос Прозекуре.

Его слова и голос действуют успокаивающе, и я постепенно перестаю биться в схватке за воздух.

— Вы его поймали? — сиплю, выравнив дыхание.

— Ушел крышами, — с досадой говорит Прозекуре. — Я

не стал преследовать, так как не мог тебя бросить.

С этими словами он одним плавным движением поднимает меня с земли. Держит одной рукой под спину, другой под колени и несет прочь из переулка, словно я тряпичная кукла, которая ничего не весит.

— Я и сама могу... — слабо протестую я и пытаюсь спрыгнуть.

Но хватка у начальника мертвая. Он лишь рывкает так, что прекращаю трепыхаться:

— Сама ты и квартала не можешь пройти без приключений, — и направляется к дому.

Занеся меня в холл, Прозекуре ревет:

— Фриц!

Тот выскакивает из столовой. Завидев меня, всплескивает руками, точь-в-точь как маменька над больным малышом.

— Глинтвейн в гостевую спальню, — приказывает хозяин дома, и Фриц тут же исчезает.

Прозекуре несет меня на второй этаж, ногой распахивает дверь в комнату и укладывает меня на кровать. Подкладывает под спину несколько подушек, снимает ботинки, расстегивает воротник. Меня ещё потряхивает. И начальник щелчком пальцев зажигает камин.

В открытую дверь робко заглядывает Фриц с подносом. На нем высокий стакан с ароматным красным содержимым, графин, наполненный напитком цвета темного золота и пустой стакан. Комнату тут же завлакивает ароматом корицы,

кардамона и теплого вина.

Прозекуре перехватывает поднос, делает Фрицу жест удалиться и закрывает дверь. Всовывает мне в руки глинтвейн, себе наливает бренди и садится на стул.

— Я вышел из дому и направлялся по делам, когда услышал возню и шепинение метаморфеля из дальнего переуллка, — сходу начинает, осушив стакан. — Так близко к моему дому! У меня с этими тварями отношения особые. Ради них я готов отложить любые дела.

Я делаю глоток, и по телу расплзается приятное тепло.

— А теперь рассказывай, — приказывает Прозекуре, сядь на стул. — Как ты оказалась там?

Мой рассказ занимает не больше минуты. Прозекуре тем не менее внимательно слушает и кивает. Под конец наливает ещё стакан, пьет и тихо говорит:

— Отдыхай, Стаут. Завтра мне нужен твой острый ум при изучении дела. — Поднимается и идёт к двери. Но вдруг останавливается и возвращается. — Ах да... Твой любовный роман, — он вынимает, словно из воздуха, томик законов и кладет рядом со мной. — У меня есть такой в библиотеке. Дополненный, с комментариями и картинками.

Я вцепляюсь в стакан обеими руками, ожидая вопросов. Но Прозекуре молча покидает комнату. Когда глинтвейн заканчивается, я уже могу встать и раздеться. Лишь для того, чтобы без сил рухнуть на кровать и без прелюдий отключиться.

Никаких попыток заглянуть в “любовный роман” я так и не предпринимаю.

На следующий день мы с Прозекуре сидим в его кабинете в окружении башен из папок. Я уже вижу, что расследование велось бессистемно, допросы проводились с нарушениями, свидетелям подсказывали, что отвечать.

Я выцепляю из материалов показания, которые лишний раз доказывают, что Бишопов подставили. Но именно в тот момент, когда я хочу указать на них Прозекуре, в дверь стучат.

В кабинет заглядывает Уолтер.

— Господин Прозекуре, не могли бы мы с вами поговорить наедине? — заискивающе блеет он. — Я тут кое-что проверил...

— Стаут, оставь нас ненадолго, — приказывает начальник.

Я поднимаюсь и выхожу в контору. Меня тут же берет в оборот Фискалио — просит рассортировать показания свидетелей. Когда я освобождаюсь, Прозекуре ещё толкует с Уолтом.

Я маюсь возле двери, когда она распаивается. Из кабинета, словно баржа, выплывает Уолтер. Довольный, будто только что провел сделку всей жизни. Увидев меня он злобно ухмыляется, а потом проводит оттопыренным большим пальцем пальцем по шее.

— Тебе конец, — шепчет одними губами.

— Стаут, зайди, — рычит Прозекуре. — И дверь закрой за собой.

И это не привычный его рык. Это нечто более густое, с звериными нотами. Словно предвестник землетрясения. В его голосе коктейль из гнева и ненависти, из кабинета веет жаром. Сердце тревожно ёкает. В грудь вонзается игла тревоги. Я вползаю в помещение.

Прозекуре сидит за столом словно мрачное изваяние. Лишь глаза горят бешеным огнем. Челюсти сведены. Кулаки сжаты.

Я поворачиваюсь, чтобы прикрыть дверь. Делаю это не спеша, стараясь понять, что именно на меня раскопал Уолтер. От напряжения щелчок двери кажется мне выстрелом. Как тот, что отправил меня сюда.

Когда я оборачиваюсь, вздрагиваю от неожиданности — Прозекуре уже рядом. Возвышается надо мной. Давит. Ставит руки по бокам от меня. Теперь никаких шансов на спасение, его хватку я испытала на себе.

Меня морально размазывает. Аура у Прозекуре сейчас как у проснувшегося вулкана. От него веет таким жаром, что я моментально покрывают потом. Холодным...

В глазах колет. Я только-только начала ощущать себя в безопасности. Среди близких по духу людей. Очень совестно становится перед добрым Фискалио, перед заботливым Фрицем. А перед Прозекуре... страшно. До одури. Что он знает? С его умом и способностями строить логические це-

почки — наверное, уже всё...

В груди ноет от непонятной тоски. Закусываю нижнюю губу, чтобы позорно не разреветься, и поднимаю глаза. Встречаюсь с немигающим взглядом, который выжигает мне нутро.

— Расскажи мне, Ханна, — низко рокочет Прозекуре, наклоняясь так, что между нашими лицами остаётся несколько сантиметров, — как ты можешь одновременно работать моей помощницей тут и быть счастливой женой и матерью в Драконарисе?

Я тяжело сглатываю. Опускаю глаза. Ужас застрял в горле, словно колючка каштана. Сердце стучит, как пойманный заяц. Мне срочно надо что-то придумать.

— Я... — облизываю губы и смотрю на подбородок Прозекуре. Заглянуть ему в глаза не хватает решимости. — Я решила поработать, пока муж в разъездах по делам.

Прозекуре наклоняется совсем близко, шепчет на ухо:

— Как интересно... — по телу разливается волна слабости от понимания, что он мне нисколько не верит. — И весьма прогрессивно для девочки из деревни. А муж как к этому относится?

— Он разрешил... Ему нравится, что рядом независимая женщина, которая в случае чего может поднять семью, — вру напропалую, говорить стараюсь ровно, хотя, тело бьет нервная дрожь.

— Вот как... — от дыхания Прозекуре, обжигающего шею, начинает трясти по-настоящему. Он шумно втягивает носом воздух, будто нюхает мой страх... — А куда ты дела ребенка?

Ребенка? Я даже не знаю, мальчик это или девочка. Поэтому закрываю глаза, пытаюсь удержать слезы, и выдавливаю:

— Ребенок с родителями

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.